

Крест - СИМВОЛ христианства

История отношения ко кресту как символу христианства очень интересна и выразительна в том смысле, что позволяет выявить более широкие и глубинные процессы, протекавшие в историческом христианстве. Это еще один срез явлений и событий, угол зрения на общую картину. Представляется важным увидеть, какое место занимал крест в развитии богооткровения человечеству, и на примере отношения к нему проследить изменения, происходившие в Церкви по мере развития христианства — трагические ошибки, взлеты и падения, мучительные поиски истины, заблуждения и озарения.

Безусловно, что интерес к этой теме не носит чисто отвлеченный, академический характер. В данной работе будет предпринята попытка обосновать, обозначить правомочность использования изображения этого общепринятого символа христианской веры в современной евангельской Церкви, проанализировать различные подходы и взгляды по этому вопросу, соблюдая предельную объективность.

Сейчас в нашей стране продолжается бурное строительство новых Домов Молитвы, идет поиск своего архитектурного стиля, новых элементов оформления — все чаще в интерьере церковного зала используется изображение креста, он появляется на фасадах и шпилях церквей. Издаются Библии, Новые Заветы, другая христианская литература с изображением креста на обложках. Значки-крестики и эмблемы можно увидеть у христиан на верхней одежде. Среди части верующих нашего братства это вызывает неоднозначную реакцию.

— Не является ли это отступлением от Слова Божьего, сползанием к учению исторических церквей — православной и католической с их крестопочитанием и крестопоклонением? — раздаются голоса.

— Это является грехом, ведь крест — место мучений и казни нашего Спасителя, это виселица, ее не следует изображать на Священном Писании и помещать в Домах Молитвы, — таково мнение наиболее радикально настроенных в этом вопросе ревнителей чистоты учения.

Конечно, подобную позицию можно понять и частично объяснить, рассматривая историю возникновения евангельского движения в нашей стране. Его становление происходило в условиях постоянных преследований со стороны не только светских властей, но и духовенства тогдашней господствующей Православной церкви. Для пионеров нашего братства, особенно для тех, кто вышел из простой крестьянской среды, крест ассоциировался с атрибутом государственной преследующей церкви, с наперсным крестом священника, выслеживающего и доносящего на “еретиков-штундистов” в своем приходе. Автору этих строк довелось услышать весьма характерную реплику, касающуюся этого вопроса, из уст одного брата, находившегося уже в преклонных годах: “Наших отцов священники били этим крестом, заставляя отречься от веры, а мы будем его признавать?!”

С другой стороны, евангельское движение во второй половине XIX века в Украине, других частях Российской империи возникло как результат духовных исканий, молитв, неудовлетворенности религиозного чувства в различных кругах

и сословиях тогдашнего общества. “Штундисты”, “пашковцы” сопоставляли практику, сложную обрядность официальной церкви с учением Евангелия и приходили к отказу от установлений православия.¹ Пафос обличений проповедников-евангелистов был направлен против такого положения, когда живая, осознанная вера, жизнь по заповедям Христовым, жизнь в Духе Святом подменялась слепым исполнением церковных обрядов, поклонением иконам, мощам угодников, кресту, другим реликвиям. Все это приравнялось к идолопоклонству.² Причем, ему противопоставлялось поклонение “в духе” и поклонение так называемому “духовному кресту”. Например, вот как говорил на сельском пасхальном богослужении пионер евангельского пробуждения в Украине Иван Рябошапка:

“Сегодня святая Пасха и мы, увидев Воскресение Христово, поклонимся Ему в духе и истине, поклонимся кресту Его духовному – Его крестному страданию – за нас Он претерпел распятие. Оставим всех других богов. Христовым именем мы именуемся”.³

Задача этого исследования – вовсе не полемика с определенными взглядами на позволительность или неприятие изображения креста – в таком случае оно приобрело бы черты, более уместные для публицистики. Отправной точкой суждений, определяющих нашу позицию, будет Священное Писание как истинное выражение Божьей воли (2Пет.1.21) и история раннехристианской Церкви, поскольку раннее, апостольское христианство – это идеал, приверженность которому декларируют все евангельские церкви и движения, это эталон истинного христианства, незамутненного позднейшими наслоениями и влияниями.

Крест – это виселица?

Одним из первых, кто провел эту параллель между крестом и виселицей как орудием казни, был русский писатель Л. Н. Толстой. В Его романе “Воскресение” есть сцена, где арестантов приводят в православную церковь для участия в богослужении и Причастии. Писатель изображает богослужение как нечто непонятное, даже нелепое, бесконечно далекое от истинного учения Того, Чьим именем оно совершается:

“Никому из присутствующих не приходило в голову того, что все, что совершается здесь, было величайшим кошунством и насмешкой над тем самым Христом, именем Которого все это делалось. Никому в голову не приходило того, что золоченный крест с эмалевыми медальончиками на концах, который вынес священник и давал целовать людям, был ничто иное как изображение той виселицы, на которой был казнен Христос именно за то, что Он запретил то самое, что теперь Его именем совершалось здесь”.⁴

Нет ничего удивительного в том, что подобный взгляд и ход рассуждения писателя нашли отклик среди части верующих евангельских течений. Неприятие обрядовой стороны православия, стремление к евангельской простоте учения были созвучны подобным идеям проходившего стадию становления движения духовного возрождения.

1 Миссионерские беседы со штундо-баптистами. СПб, 1908, с. 7.

2 История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: ВСЕХБ, 1989, с. 66.

3 Там же, с. 69.

4 Толстой Л.Н. Воскресение. М., 1977, с. 410.

Даже довольно прочно укоренившиеся пацифистские взгляды большей части евангельских верующих объясняются не столько учением Нового Завета, сколько влиянием учения о непротивлении злу насилием Л.Н.Толстого. Но все же взгляд этого писателя-моралиста на учение Христа в корне отличался от позиции представителей евангельского движения. Для него Евангелие – книга, написанная “людьми малообразованными и суеверными”,⁵ он препарирует Новый Завет, отвергая все, что не вмещается в тесные рамки “разумного объяснения” и расходится с его морально-этическим учением, получившим название толстовства. По замечанию протоиерея о. Г.Флоровского, “свое “христианское” мировоззрение Толстой извлек вовсе не из Евангелия. Евангелие он уже сверяет со своим воззрением, и потому так легко он его урезывает и приспособляет” [24, с.404]. По его мнению, Иисус – всего лишь великий учитель нравственности, а смерть Христа на кресте – плата за возвышенные идеи.

Если смотреть на смерть Иисуса только как на несправедливую жестокую казнь на деревянном римском кресте, сопровождавшуюся страшными мучениями и нечеловеческими страданиями – действительно, изображение этого орудия казни должно вызывать чувство неприятия. Взгляд на крест Иисуса лишь как на позорную виселицу является логическим продолжением рационалистической теории “яснопольского старца”.⁶ Он доверяет только самим речениям Христа, видя в них нравственно-этическое учение и игнорируя главное содержание Благой Вести, отказывается признавать апостольские послания, полагая, что ученики Спасителя непозволительным образом извратили, усложнили учение Христа, прибавив к нему свои собственные идеи о крестной смерти как об искуплении, о мессианском призвании, о Церкви.⁷ Своим представлением о кресте Лев Толстой обнаруживает полное непонимание значения голгофской Жертвы Спасителя, истинной цели прихода в мир Иисуса Христа, но ему нельзя отказать в последовательности в своих взглядах. Менее последовательной кажется позиция тех, кто признавал безусловный авторитет и боговдохновенность всего Писания, но тем не менее отвергал изображение креста, видя в нем прежде всего позорное орудие казни, пресловутую “виселицу”. На это были определенные исторические и иные причины и влияния, мы вернемся к их рассмотрению в заключительной главе.

Распятый Бог

В Евангелии не только повествуется о самом совершении Распятия, но и открывается значение происшедшего на Голгофе. Апостолы, осмысливая крестную смерть Спасителя, говорят о Божьей Отцовской любви, отдавшей Единородного

5. Евангелие Толстого. В сб.: Избранные религиозно-философские статьи Л.Н.Толстого. М.: “Новости”, 1992, с. 87.

6. Д. Мережковский. Л.Толстой и Ф.Достоевский. Вечные спутники. М.: “Республика”, 1995, с. 137.

7. Толстой Л.Н. Я верю. М.: “Вся Москва”, 1990, с. 194.

Сына для искупления всякого верующего (Ин.3.16; 1Пет.2.24). Отныне слово “крест” часто употребляется в новозаветных посланиях, особенно в посланиях апостола Павла (1Кор.1.17; Гал.5.11; Еф.2.16 и др.). Но в них крест— прежде всего метафора, он трансформируется из орудия наиболее позорной казни в символ спасения, примирения человека с Богом, исполнения предвечных Отцовских планов и обетований. Еще раньше, до Своих голгофских страданий, Иисус Сам употребил слово “крест” в метафорическом значении, имея в виду страдания и смерть, к которым должны быть готовы Его последователи (Мк.10.21; Лк.9.23; Мф.10.38; 16.24 и др.). Но примечательно то, что никто из учеников Христа, писателей Нового Завета не повторяют такое сравнение и объяснение креста. В их восприятии смерть Христа была такой потрясающей и великой, несопоставимой с теми гонениями, которые они претерпевали ради благовестия, что апостолы воздерживаются от того, чтобы называть свои собственные страдания “крестом” [47].

Особенным образом Крест Христов стоит в центре благовествования апостола Павла. Для него это так важно, потому что *“слово о кресте... для нас, спасаемых, - сила Божия”* (1Кор.1.18). Говоря о кресте и в прямом, и в переносном смысле, апостол использует греческое слово *ставрос*, гораздо реже слово *ксюлон* [1, с.167]. Слово о Распятом было соблазном для чтящих Закон евреев, ведь в Ветхом Завете или других иудейских источниках ничто не указывало на то, что Мессия мог страдать и умереть подобным образом. Наоборот, сам факт распятия мог свидетельствовать о том, что подвергшийся такого рода казни навлек на себя Божье проклятие, не говоря уже о том, что он не мог быть избранным, посланным и помазанным Богом. Сами иудеи не прибегали к такой форме казни, в их языке не было даже слова “крест”, но распятие напоминало род ветхозаветного наказания, когда мертвое тело казненного привязывали к дереву, ради того чтобы выставить его на позор. Такой человек был проклят Богом, как написано во Второзаконии 21.22 *“Ибо проклят пред Богом всякий повешенный на дереве”*.

В Послании к Галатам апостол Павел цитирует этот стих как пророческий, как основание того, что *“Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою”* (Гал.3.13). Здесь Павел использует аналогию с распятием Христа, но все же оригинальный ветхозаветный текст говорит здесь не о римском распятии, а о том виде казни, когда преступника побивали камнями, а затем безжизненное тело вывешивали на дереве или на столбе для всеобщего обозрения. Апостол использует в этом случае слово *ксюлон*, которое означает “дерево” или даже “нечто деревянное”. Это же слово использовано и в Деян.5.30; 10.39; 13.29; 1Петр.2.24. Во всех этих стихах идет речь о кресте, на котором был распят Христос. Может возникнуть вопрос: “Почему в этих стихах использовано слово *ксюлон* вместо более распространенного *ставрос*? Вероятней всего,

Надмогильный каменный крест 1458 г.
(фрагмент, Ростово-Ярославский музей).

авторы этих стихов держали в уме Втор. 21.23, где говорится о дереве. *Ставрос* является эквивалентом этому слову и применяется в большинстве случаев, где говорится о кресте и о распятии, в частности, в Мф.27.32; 40.42; Мк. 15.21, 30, 32; Лк.23.26; Ин.19.17; Фил.2.8 и др. [1, с.166].

В апостольских посланиях крест – это прежде всего метафора, символ, но принципиальным моментом является то, что апостолы не выносят за скобки своего благовествования самое понятие “крест”, наполняя его новым содержанием, говоря о нем как об апофеозе Божьей любви к человеку. Распятие Иисуса Христа – не случайность, не результат козней тогдашних высших иудейских иереев и книжников, севших на Моисеево седалище, не только исполнение приговора римского прокуратора Понтия Пилата – это лишь внешняя сторона событий, человеческая сторона, обнаруживающая полную испорченность, безнадежную греховность “венца творения”. Крест, согласно предвечному определению Бога, – новозаветный жертвенник, на котором единократным и добровольным принесением Себя в жертву “Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, Праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом” (1Пет.3.16). “Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо”, – восклицает апостол Петр (1Пет.2.24). И тот факт, что тогдашний языческий мир и правоверные иудеи, надеющиеся на Закон, не смогли вместить этой вести, свидетельствует о том, что “немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков” (1Кор.1.25). Слово о кресте – безумие для погибающих: “Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия”. Ибо написано: “погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну” (1Кор.1.16-19). Эти строки были написаны тем человеком, который сам был некогда в стане противников Христа, бывшим правоверным иудеем Савлом, страстно и непримиримо преследовавшим христиан, потому что они, по его мнению, кощунственно исповедовали Распятого Бога. Но Сам Распятый и Воскресший остановил Своего гонителя на пути в Дамаск, чтобы тот соделался проповедником Креста Господня (Деян.26.14).

Апостол Павел видел неспособность иудеев, знающих Закон, где было сказано: “Ибо проклят перед Богом всякий, повешенный на дереве” (Втор.21.13), понять смысл распятия Сына Божия. Более того, сам факт подобной казни не оставлял для них камня на камне от мысли, что Он был действительно Мессией, Посланником Божиим. Это утверждение было для них богохульством, юродством. Далее апостол упоминает эллинов с их претензией на особую мудрость, которой достигли их выдающиеся философы, ораторы, софисты. Для них распятый, страдающий, беспомощный Бог, прибитый ко кресту, – безумие (23 ст.). Сама идея воплощения Бога в человеческом образе для культурных эллинов выходила за рамки их философии, была нонсенсом. Проповедь о распятом и воскресшем Боге – жалкое косноязычие, скудоумие, недостойное даже праздного любопытства. Как сказал о. С.Булгаков, “христианство бросило вызов всему миру, пренебрегая человеческими средствами и обращаясь непосредственно к сердцу с безумной, чудовишной, парадоксальной проповедью о Христе распятом и воскресшем” [5, с.94].

Крест, согласно предвечному определению Бога, – новозаветный жертвенник, на котором добровольным принесением Себя в жертву, “Христос, чтобы привести нас к Богу, пострадал за грехи наши...”

(1 Пет.3.16)

ВВЕДЕНИЕ
ОБЩЕЕ СЛОВО

Для Павла такая реакция мира являлась неопровержимым свидетельством полного поражения, краха человеческой мудрости, ее полной неспособности познать истинную сущность человеческой природы, мира, наконец, Бога. Опасаясь, что такая человеческая мудрость может проникнуть и в его послания, Павел сознательно отказывается от *“премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова”* (17 ст.). Никакие интеллектуальные построения, силлогизмы, человеческие мудрствования, в принципе, не способны постичь и объяснить *“великую благочестия тайну”* (1 Тим.3.16) – воплощение предвечного Сына Божия (выразительной иллюстрацией этого могут служить те же рассуждения о Христе Л. Толстого).

Но это *“юродство проповеди”* относительно, оно представляется безумием только совопросникам века сего, книжникам и мудрецам с их отвергнутой Богом и обращенной в безумие мудростью (20 ст.). И по причине того, что их мудрость не смогла постичь, объяснить Крест Господень, более того, отвергла его, Бог спасает верующих юродством проповеди о распятом Христе, которая являет на самом деле Божью силу и Божью премудрость (24 ст.).

Немецкий богослов Вернер де Боор замечает, что в данном стихе ап. Павел противопоставляет безумию мира прежде всего не Божью премудрость, а Божью силу, так как сила Божия спасает нас от вечной гибели.

“Существует опасность объяснить Крест, сделать его понятным, и лишить тем самым отталкивающего юродства и незаметно дать ему сделаться новой мудростью, которая понятна и нравится людям. Но от этого упраздняется Крест Христов” [8, с.39].

Поистине, *“Царство Божие не в слове, а в силе”* (1 Кор.4.20). Только после этого грешнику, привлеченному силой Божьей к Голгофскому кресту, признавшему свою несостоятельность и безусловную виновность перед святым безгрешным Богом, откликнувшемуся на юродство проповеди, Господь открывает Свою Божью премудрость. Причем, все сословные, национальные, ментальные различия утрачивают свое значение перед этой высшей всеобъемлющей мудростью – *“для самих же призванных Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость”* (1 Кор.1.24), *“где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос”* (Кол.3.11).

Крест - символ спасения и примирения человека с Богом, символ исполнения предвечного Божьего плана спасения людей.

Крест – место примирения

Приблизительно в 60-м году по Р.Х. великий апостол язычников, находясь в узах за свидетельство о Христе, продиктовал свое послание христианской общине в городе Ефесе (римская провинция Асия). В нем были и такие строки: *“А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоящую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем”* (Еф.2.13-16).

Апостол Павел обращается к христианам-ефессянам как к особому народу, имеющему кровные узы, объединенному на новой основе – посредством Крови Христа. Тогдашний мир был поделен сословными и национальными барьерами, границами, отделяющими культурных образованных греков и римлян от тех, кого Павел называет варварами и скифами. Это было земное, человеческое видение мира.

Существовал только один народ, одна нация, которой открылся живой Всемогущий Бог, и с этим народом Он имел общение; обетования и благословения были связаны с Израилем (Рим.9.4-6). Остальной языческий мир оставался как бы вне Божьих планов, он был предоставлен самому себе и в своем заблуждении и духовном неведении дошел до полного морального банкротства (Рим.1.26-32). Конечно, Бог, являясь Творцом всего сущего и всего рода человеческого, не имеет лицепрятия (Деян.10.34-36). Варнава и Павел объясняли жителям Листры, что Господь *“в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями”* (Деян.14.16). Впрочем, тут же они добавляют, что Бог *“не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные”* (ст. 17). Таким образом, язычники не были совсем лишены богопознания, *“ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им”* (Рим.1.19). Тем не менее, они *“осутились в мудрствованиях своих и омрачилось несмысленное их сердце, называя себя мудрыми, обезумели”* (ст. 21,22). Это дает основание ап. Павлу в своем выступлении в афинском ареопаге назвать историю всего мира до пришествия Христа, – кроме Израиля, разумеется – *“временами неведения”* (Деян.17.30).

Но ведь были еще иудеи, которым принадлежали обетования, был дан Закон от Бога. Закон, прежде всего, обнаружил несостоятельность человека, трагическую невозможность исполнить заповеди Святого Всемогущего Иеговы. Тем самым разрушалось основание, на котором правоверный иудей мог основывать свое преимущество перед необрезанным язычником – *“как Иудеи, так и Еллины, все под грехом”* (Рим.3.9). Все люди были в одинаковой степени поражены грехом и нуждались в помиловании. Это Божественное помилование произошло на Голгофе. Его совершил Спаситель, Который Своей смертью примирил и иудеев, и язычников с Богом-Отцом; та вражда, которая была также между ними, теперь убита на кресте (Еф.2.16).

“Бог не только далеких сделал близкими, так что они имеют в Духе доступ к Нему, но Христос – на основании Своего Креста – творит нечто новое” [13, с.24].

Это особый народ, состоящий из новых людей, которые созданы в Нем, Иисусе Христе, для устройства мира (ст. 15). Что является основой, той консолидирующей силой, которая объединяет, сближает этот *“некогда не народ, а ныне народ”*? *“Вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою,”* – отвечает апостол Павел (ст. 13). Во Втором Послании к Коринфянам 5.14 он говорит: *“Ибо любовь Христова объемлет нас”*.

“Только благодаря Голгофе может существовать видимое Царство Божие. Поистине, служащее Богу, обновленное человечество может появиться, когда грех побежден. Поэтому лично для Христа венец Его сочетался со Крестом” [11, с.26].

Крест, как материальный предмет, как бы игнорируется в апостольских посланиях, полностью растворяясь в непостижимом для человеческой мудрости определении - Крест Христов.

(1 Кор.1.17)

Американский богослов Уоррен Уирсби, обращаясь от имени этого народа, восклицает: "Мы призваны к братству в силу нашего союза с Иисусом Христом. Он умер за нас, мы крещены во имя Его, мы отождествлены с Его Крестом. Какая замечательная основа для духовного единства!" [33, с.18].

Конечно, это только некоторые аспекты, приоткрывающие в какой-то мере значение крестной смерти Иисуса Христа, можно было бы несравненно больше сказать в этой связи, но поставленная нами проблема находится несколько в иной плоскости.

Очень важно уяснить здесь принципиальный момент: крест, жестокое изобретение римской карающей власти, применявшей это орудие только по отношению к рабам и наиболее презираемым законопреступникам (распятие запрещалось применять к римским гражданам), был приготовлен Божественным Промыслом для исполнения предвечного плана спасения людей. Это было добровольное, осознанное восшествие на древо креста Сына Человеческого, Агнца Божия, закланного за грехи всего мира (1Кор.5.7).

Очевидно и то, что в Евангелии нигде не превозносится крест как таковой, ему, как осязаемому предмету, не приписывается никаких чудодейственных качеств, более того, он, как материальный предмет, как бы игнорируется в апостольских посланиях, растворяется и полностью отождествляется с тем очень глубоким и емким определением, которое неспособна познать человеческая мудрость, – Крестом Христовым (1Кор.1.17).

С одной стороны, крестная казнь на Голгофе – исторический факт, событие, происшедшее во времени и в пространстве, и евангелисты, особенно в первых трех, т.н. синоптических Евангелиях, прямо и косвенно упоминают о реалиях, исторической обстановке, обычаях, нравах тогдашней Палестины, находящейся под владычеством могущественной Римской империи. Они повествуют о мотивах предательства Иуды Искариота, о зависти и злобе книжников и фарисеев, о неистовствующей толпе, кричащей: "Распни Его", о некоторой нерешительности римского прокуратора Понтия Пилата, наконец, о самой страшной казни – когда руки и ноги Спасителя были прибиты к деревянному римскому кресту, поднятому между двух других крестов с разбойниками (Мф.26.27; Мк.14.15; Лк.22.23; Ин.18.19; Деян.2.22-23).

Но эти же авторы, будучи движимы Духом Святым, свидетельствуют о распятии Господа Иисуса Христа, как об исполнении пророческих предсказаний, совершении Божьего плана спасения человечества. Как замечает Эрих Зауэр, "крест есть центральное событие всего земного дела Божия. Это центральное дело Божие во всей истории искупления во всей Вселенной. Это самое дивное откровение спасительной воли Божией ... Это если не хронологически, то во всяком случае внутренне-духовно, - центр истории человечества" [11, с.52]. В этом ракурсе происшедшее на Голгофе приобретает космический характер, все сопутствующие распятию исторические и бытовые реалии, слова и действия исчезают ввиду своей несопоставимости, незначительности с истинным масштабом

Крест есть центральное событие всего земного дела Божия... во всей истории искупления во всей Вселенной. Это если не хронологически, то, во всяком случае, внутренне-духовно, - центр истории человечества.

(Эрих Зауэр)

происшедшего события или переосмысливаются как глубочайшие многозначительные символы, как исполнение древних ветхозаветных пророчеств (например, бросание жребия об одежде Иисуса – Мф.27.55 и в Пс.21.19, покупка земли горшечника за 30 серебрянников – Мф.27.8-9 и в Зах.11.12-13).

“Крест -
Божий
крест, по-
этому это
Божий путь,
следовательно,
един-
ственный
путь
спасения.”

(Сэмюэль Миколаски)

И когда в Послании к Галатам апостол говорит: “А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа” (Гал.6.14), совершенно ясно, что предметом восхваления для Павла является вовсе не сам конкретный, существовавший в истории крест, – он величает крестный подвиг Господа, даровавший спасение и истинный смысл земной жизни, наполнивший ее новым, непреходящим содержанием. В данном случае этим словом апостол описывает и Христово искупление ценой самоотречения и крестной смерти, и добровольное отвержение, смерть христианина для мира. Подобное видение и осмысление креста Христова позволяет Павлу сделать очень смелое, образное заявление во второй части этого стиха: “... которым (крестом – авт.) для меня мир распят и я для мира”. Благодаря кресту Иисуса Христа жизнь бывшего фарисея, ревнителя Закона - Савла, была радикальным образом изменена, преобразована. Мир как система ценностей, узаконивающая отчуждение от Бога со своими соблазнами, похотью очей и плоти, упованием на человеческую, плотскую мудрость, – этот мир был как бы распят, по словам Павла, он умер для него. В свою очередь, апостол язычников становится чужим миру, непонятым и непонятым им.

“Павел смотрел на мир так, как если бы тот был пригвожден ко кресту, и так же мир воспринимал Павла – как распятого на кресте” [16, с.319].

Сэмюэль Миколаский говорит об этом коротко и емко:

“Крест – Божий крест, поэтому это Божий путь, следовательно, единственный путь спасения” [38].

Дохристианские формы креста

До сих пор речь шла о кресте, как о метафоре, многозначительном знаке-символе, – именно так он воспринимался авторами новозаветных посланий, таким же образом к нему должны были относиться читатели и слушатели этих посланий, которым они непосредственно адресовались, – христиане I века по Р.Х. Но невозможно обойти тот факт, что изображения, более или менее напоминающие, собственно, крест, появились задолго до начала христианской эры (самые ранние из них относят по времени за несколько тысячелетий до Р.Х.), причем они встречаются почти во всех культурах и цивилизациях мира, хотя не всегда ясно, когда этот знак имел религиозный, священный смысл.

В некоторых случаях нанесенный на каком-либо предмете крест мог быть знаком идентификации или пометкой имущества и не нес никакой смысловой нагрузки и, тем более, не имел сакрального значения. Очень часто крест с четырьмя равносторонними концами олицетворял для древних людей четыре составных элемента, четыре стихии – воздух, землю,

воду и огонь, из которых, по их представлениям, все было сотворено. Исходя из того, что эти стихии оставались неизменными и были олицетворением постоянства, люди полагали, что, пока эти начала не изменятся, сам мир сохранится в неприкосновенности. Вероятно, основываясь на этих представлениях, возникла практика рисовать крест на сосудах со святой водой и с особой, предназначенной для религиозных целей пищей. Подобная практика была у древних индусов и буддистов в Индии и Китае, но некоторые исследователи высказывают сомнения относительно подобной трактовки [38].

Одним из древнейших сакральных символов был египетский иероглифический символ жизни – тау-крест, известный как *cruх ansata*, или еще носивший название *ключ жизни*. Он имел форму греческой буквы “тау” (или похожего по форме иероглифа, произносившегося как “анхх”) с кругом или, скорее, петлей над перекладиной. “Анхх” был символом жизни, а круг олицетворял вечность. Древние египтяне почитали это изображение священным – на их монументах такой ключ часто виден в руке бога, жреца или фараона. Из Египта этот знак проник в древнюю Финикию и в весь тогдашний семитский мир [43].

К числу древнейших относится изображение *cruх gammata*, этот символ составлен из четырех греческих букв “гамма”. По всей видимости, этот знак олицетворял солнце, огонь и отсюда был обобщенным выражением жизни. Этот символ имел широкое хождение в дохристианской эпохе в Европе, Азии и даже Америке (он был возрожден в нацистской Германии, где был призван представлять подобную идею и ошибочно принимался за древний нордический символ, одновременно являясь карикатурой на христианский крест) [34].

Изображения, напоминающие равносторонний крест, встречаются в памятниках ассиро-вавилонской культуры как символ неба и древнего языческого божества Ану. Там же обнаружены рисунки солнца, заключенного в круг, с восьмью лучами, указывающие на восемь областей империи, причем две пары этих лучей образуют под прямым углом фигуру радиального креста, который царь Ассирии носил на шее. Судя по сохранившимся барельефам, подобные знаки носили и ассирийские военачальники.

Интересно, что различные варианты изображений, напоминающих крест, были и у коренных народов, населявших американский континент. Были высказаны различные теории, призванные объяснить их появление в Новом Свете. Когда во время испанской колонизации солдаты Кортеса и католические миссионеры обнаружили кресты на полуострове Юкатан в ограде храма, называемой *теопан*, и в домах, окружающих этот храм, они решили, что кресты были принесены сюда апостолом Фомой [43]. Сейчас не может быть сомнения в подлинности местного происхождения этих символов, повсеместно встречающихся на всем американском континенте – у древних ацтеков, инков, майя, индейцев Северной Америки.

Как стало ясно, здесь, как и в Европе и в Азии, крест выражал идею четырех сторон света, четырех ветров, эманацию четырех основных начал мира. Второе значение этого знака – олицетворение “мирового дерева”, “дерева жизни” или “дерева нашего тела” (подобные представления

1. Квадратный или греческий крест. Очень древний символ.

2. Дальнейшее развитие символа.

3. Также очень древний символ. В христианстве он получил название креста св. Андрея, на котором апостол принял мученическую смерть.

4. Египетский иероглифический символ жизни - тау-крест с петлей. Очень древний символ.

Используется как оккультный знак.

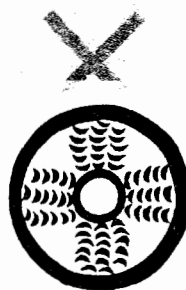
существовали у скандинавских и других народов) [32].

Закономерно возникает вопрос: чем объясняется широкое распространение этого символа, его поистине всеобщая универсальность среди таких не схожих культур и цивилизаций, к тому же часто разделенных морями и океанами? Здесь были упомянуты только некоторые примеры – на самом деле, можно было бы еще долго перечислять страны и цивилизации, религии и космогонические системы, в которых символика и мистика креста занимает важное место и встречается в различных вариантах, комбинациях и формах.

Сама эта фигура, образованная пересечением двух прямых линий, с одной стороны, является предельно простой, часто встречающейся в окружающем мире – силуэт человека с распростертыми руками, птицы в полете, плуга, воловьей упряжки, перекрещивающиеся солнечные лучи, контур деревянного огнива, а с другой, для человека мифо-поэтического сознания (а оно было, несомненно, таковым у представителей всего древнего мира) – это мистический перекресток, развилка пути, пересечение земного и небесного, устремленность вверх, к высшему началу. Крест подчеркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра. Это сакральная модель мироздания с ее основными стихиями, лучи солнца, расходящиеся из центра, отсюда крест во многих культурно-мифологических системах символизирует жизнь, плодородие, процветание, это выбор между жизнью и смертью, упадком и преуспеянием, счастьем и несчастьем [32].

Ученые, отрицающие божественное происхождение христианства, противники Евангелия, даже некоторые представители крайне либерального богословия пытаются доказать, что христианство заимствовало основные идеи и понятия из более ранних религий. В качестве одного из основных своих аргументов они приводят примеры присутствия изображений креста во многих дохристианских религиях, распространенных на территории, которая затем явилась очагом возникновения нового культа – учения Иисуса, и крест впоследствии стал его основным символом.

Но, несмотря на некоторую кажущуюся схожесть, нельзя не заметить глубокое принципиальное отличие между христианством и остальными языческими религиями, его уникальность и неповторимость, особенно по отношению ко кресту. **Крест в Евангелии не является неким мистическим знаком, он не несет никакой самостоятельной смысловой нагрузки, он неотделим от сосредоточия Благой Вести – Сына Божия, ставшего Человеком.** То, что апостол Павел назвал “великой благочестия тайной” (1 Тим.3.16), а языческий римский историк Светоний – “новым и зловердным суеверием”, а именно, идея *Богочеловечества* отделяла христианство от всех предшествовавших религий и верований глубокой пропастью. **Крест в Евангелии мыслится не иначе, как только “Крест Христов”**, посредством этого реального, прозаического инструмента для казни рабов была явлена вершина Божьей любви, когда Иисус проявил послушание “*даже до смерти, и смерти крестной*” (Фил.2.8). По мнению одного из авторов исследования на эту тему, “схожие или подобные дохристианские символы никогда не имели ни прямой, ни косвенной связи

1. Бутылка, декорированная концентрическими кругами вокруг солнечного колеса. (Богаз-кей. Ок. 1400 г. до н.э. Малая Азия).

2. Блюдо с росписью в виде креста, вписанного в солнечный диск. (Период Убайд. IV тысячелетие до н.э. Малая Азия).

с христианским крестом, хотя такую связь пытаются постоянно обосновать” [45].

Тем не менее апостолы, а затем и апостольские ученики и апологеты христианства пытались разглядеть прообразы креста, прежде всего, в ветхозаветной традиции, ведь сутью иудейской религии было чаяние прихода Мессии, которое исполнилось в Иисусе из Назарета. Христос Сам первый в знаменитой беседе с Никодимом указал на воздвигнутый Моисеем в пустыне шест с медным змеем как на прообраз грядущего распятия Сына Человеческого (Ин.3.14). Как уже упоминалось, апостол Павел увидел пророчество о Распятии во Второзаконии 21.23. Впоследствии образ поднятого шеста с медным змеем стал темой многочисленных мистических спекуляций позднейших христианских авторов, включавших его в широкую сеть соответствий и аналогий, – так утверждалось, что шест Моисея имел Т-образную форму, что соответствовало 22-й, последней букве еврейского алфавита “тав”, которая для древних евреев была символом ожидаемого Мессии. По их мнению, эта же буква, имеющая сходство с греческой “тау”, наносилась на чело праведников для защиты от грядущего суда, как это описано в Иезекииля 9.4. Как отмечают Тертуллиан и Ориген, христиане понимали это место из пророка Иезекииля как пророчество о крестном знаменнии [34].

В послании Варнавы, написанном примерно в 130-160 г. по Р.Х., автор послания замечает, что Авраам имел 318 слуг (Быт.14.14). В греческом алфавите, где каждой букве соответствует определенное число, 318 выражается как ΙΧΤ. Здесь, по убеждению писателя, заключено важнейшее пророчество: “ΙΧ” означает начальные буквы имени Иисуса Христа, тогда как буква “Τ” (“тау”) представляет фигуру креста, на котором был распят Спаситель.⁸ Конечно, сегодня такое толкование может показаться спорным, даже странным, но оно весьма характерно для того периода Церкви.

Тертуллиан, живший на рубеже II-III вв., в своем полемическом сочинении “О крещении” увидел прообраз креста и Христа в ветхозаветном эпизоде, когда Иаков крестообразно поменял руки, возложив их на головы своих внуков от Иосифа – Ефрема и Манассии, благословляя их. Впоследствии апологеты христианства стали ссылаться на природные аналогии, видя знак креста в окружающем мире, в обыденных вещах, в силуэте летящей птицы, в фигуре человека с распростертыми для молитвы руками, в военных штандартах и т. д. Причины обращения к таким параллелям и аналогиям мы рассмотрим в следующей главе.

Крест в ранней Церкви

Христианство родилось как неземное явление, хотя зарождение его произошло в определенное время и в определенных исторических условиях. Оно пришло в мир не как очередная философская система – ведь его проповедниками были люди “некнижные и простые” (Деян.4.14). “Оно обращалось не к исторической оболочке человека и даже не к разуму, но

1. Очень древний языческий солнечный диск. Был принят христианами и толковался как монограмма Христа, “I” - Иисус, “X” - Христос.

2. Слук *gammata*. Окультный символ.

3. Скрытый крест. Христиане использовали этот символ, напоминающий крест, во времена гонений.

4. Слук *gammata*, образованная из солнечного колеса.

8. “Послание Варнавы”. В кн.: “Ранние Отцы Церкви”. Брюссель: “Жизнь с Богом”, 1988, с.43.

к его сердцу, брало его волю, зажигало в нем новую жизнь” [5]. Апостольская проповедь отличалась решительным призывом не любить мира, ни того, что в мире, так как мир, окружавший христиан, был враждебен Богу, враждебно он встретил и появление Церкви – для мира она была чужеродным телом, странным и непонятым, – неслучайно так широко были распространены среди язычников нелепые слухи о христианах как о людях, склонных к инцесту, каннибализму, человеческим жертвоприношениям. Вызывала нарекания и форма поклонения последователей Христа – духовная и внутренняя, когда они молились стоя, не обращая ни к какому предмету или изображению. Римляне, имевшие своих богов в осязаемом, скульптурном воплощении, приравнивали такое поклонение к атеизму отрицанию Бога [25, с.66]. Языческие авторы (Цельс, Лукиан, Фронто) направляли свои сочинения против христиан; не надо забывать и о жестоких гонениях и преследованиях, которые были ужасной реальностью для Церкви на протяжении первых почти трех веков.

Кроме того, Церковь жила ожиданием скорого конца этого мира, эсхатологические мотивы звучат очень настойчиво в проповеди апостолов, убежденных, что “*близок всему конец*” (1Пет.4.7) и что “*время уже коротко*” (1Кор.7.29). Христианина не мог интересовать языческий мир, не знавший Бога. Церковь страстно ожидала второго прихода Спасителя, все остальное теряло свой смысл и значение, было несущественным. Апостол Павел пишет коринфянам, что “*имеющие жен должны быть как не имеющие ..., покупающие, как не приобретающие, и пользующиеся миром этим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира этого*” (1Кор.7.31). Атмосфера возбужденного ожидания была так сильна, что апостолу пришлось предостеречь христианскую общину в Фессалониках, уставшую от гонений, от необоснованной уверенности, будто уже наступает День Христов (2Фес.2.2).

Этот же мотив скорого пришествия Христа и близкого мирового катаклизма мы находим и в памятниках раннехристианской литературы I-II веков. Климент Римский в своем Первом Послании к Коринфянам пишет: “*Скоро и поистине внезапно совершится и воля Господа по свидетельству самого Писания: скоро придет и не замедлит, и внезапно придет в Храм Свой Господь и Святой, Которого вы ожидаете*”.⁹

Так называемое Второе Послание к Коринфянам Климента Римского, автор которого не известен, но являющееся, бесспорно, достоверным письменным памятником середины второго века, заканчивается увещанием “*ежечасно ожидать Царства Божия в любви и праведности*”.¹⁰ Игнатий Богоносец пишет ефесянам в своем послании, что “*уже последние времена. Устыдимся, устрашимся долготерпения Божия, чтобы оно не послужило нам в осуждение*”.¹¹ В “Учении двенадцати Апостолов” (“*Дидахэ*”) – произведении, написанном в начале II века в Сирии, по-видимому, христианином иудейского происхождения, звучит призыв бодрствовать, потому что явится обманщик мира – антихрист, а затем

9. Климент Римский. “Первое послание к Коринфянам”. В кн.: “Ранние отцы Церкви”. Брюссель: “Жизнь с Богом”, 1988, с. 58.

10. Климент Римский. “Второе послание к Коринфянам”. Там же, с. 91.

11. Минуций Феликс. “Октавий”. Там же, ч. 9, с.553.

1. Латинский крест. Классический символ христианства. Символ всех символов.

2. Крест св. Антония и Египетский крест, или тау-крест (из-за сходства с греч. буквой “тау”).

3. Крест св. Петра. Согласно преданию, ап. Петр был распят вниз головой на перевернутом кресте. Символ перевернутого креста используется сатанистами.

“явятся знамения истины: первое знамение – разверзнется небо, потом – знамение гласа трубного и третье – воскресение мертвых, но не всех, а как сказано: придет Господь и все святые с Ним. Тогда узрит мир Господа, грядущего на облаках небесных”.¹² Примерно в это же время появляется апокрифический апокалипсис “Пастырь Ерма”, весьма чтимый тогдашними христианами (Иренией, Тертуллиан и Ориген даже причисляли это произведение к числу книг Св. Писания). Это сочинение также проникнуто пафосом ожидания скорого окончания домостроительства Церкви и уверенностью в близком конце.¹³

Таким образом, атмосфера отчужденности от мира, его культуры, искусства, которые были суть языческими, ожидание скорого Второго Пришествия делали для христиан неактуальным осознание своего места в истории. В этом мире они не рассчитывали оставаться надолго, ведь они – странники и пришельцы, граждане иного Царства, преследуемые и ненавидимые окружающим миром, гонимые государственной властью. Для совершения богослужений верующие собирались в частных домах (Деян.5.42). Если гонения усиливались, собрания становились более скрытными. Для совершения хлебопреломления община собиралась в домах богатых единоверцев, которые отводили для этого особенную комнату, самую дальнюю и тихую в доме, называвшуюся у греков “икосом”, а у римлян – “экусом”. Местом собраний были также катакомбы. Читая новозаветные послания апостолов, по их отдельным описаниям, замечаниям и наставлениям можно составить более или менее полную картину поклонения и совершения Вечери Господней в ранней Церкви. Однако там не содержится никаких указаний или упоминаний об изображениях, которые могли бы быть, например, в катакомбах или в домах верующих – последователей Христа. Во-первых, возможно, что на самом раннем этапе становления Церкви они совсем отсутствовали, поскольку, как уже было сказано, христиане чувствовали себя в преддверии мировых катаклизмов и конца истории, поэтому не стоило, по их мнению, надолго устраиваться в этом мире. Во-вторых, поклонение носило сугубо духовные формы (“в духе и истине”), т.е. молитвы и песнопения направлялись непосредственно к Богу, без обращения к какому-либо изображению или изваянию, в противовес пышным языческим ритуалам и церемониям.

Кроме того, первое христианское поколение испытывало сильное влияние т. н. иудео-христианства, когда элементы ветхозаветного иудаизма были еще сильны в Церкви [10]. И если основой греческого миропонимания была пластичность, выражавшаяся в статичных видах искусства – архитектуре и скульптуре, то в ветхозаветной эстетике слушание играет более важную роль, чем видение. Главные виды искусства ветхозаветной культуры – музыка и поэзия [12]. Запрет Ветхого Завета делать изображения, безусловно, влиял в какой-то мере и на первые христианские общины. Апостол Павел, наиболее радикально освободивший свое благовестие от ветхой буквы Закона, знакомый, судя по его посланиям, с греческой поэзией и положениями классического римского права, признающий институты власти империи как установленные от Бога, тем

1. Иерусалимский крест.

2. Коптский крест с четырьмя звездами.

3. Поднятый крест. Этот символ занимал важное значение в раннехристианских изображениях креста. Земля, на которой воздвигнут крест, представляла собой точку.

4. Поднятый крест на четырех линиях, значение которых не ясно. Они могли символизировать четыре Евангелия.

12 "Учение 12-ти Апостолов". Там же, гл 16, с.26.

13 "Пастырь Ерма". Там же, гл. 8, с. 178.

не менее остается иудеем по своему мироощущению. Созерцание многочисленных скульптурных произведений в афинском акрополе вызывает в нем негодование – ведь это идолы, которым молятся, поклоняются, они олицетворяют все пороки, заблуждения и извращения языческого мира. Отсюда и отрицание всей позднеантичной культуры, как глубоко языческой по своему происхождению и содержанию, враждебной

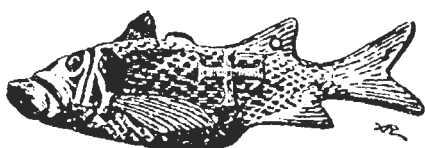
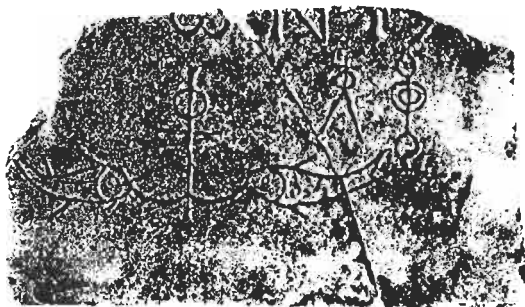
истинному богопознанию. Православный историк В.Болотов замечает, что “христиане отрицали римскую культуру суммарно” [4, с.41].

После первого века по Р.Х., который еще называют апостольским веком, на сцену выступают раннехристианские мыслители – апологеты христианства. Большинство из них уверовало во Христа в зрелом возрасте и, как правило, получило хорошее классическое образование. Их

отличительной чертой было то, что, защищая истинность христианского учения в своих апологиях, они обращаются за аргументами к греческой философии, очень часто смотрят на нее, как на одно из средств приведения людей к вере во Христа, мыслят категориями эллинистического мышления. Кроме того, апологеты пытаются защитить христианскую веру и объяснить ее суть язычникам, сильным мира сего, используя доводы, которые были бы наиболее близки и понятны людям языческой культуры. Во втором веке еще сильны эсхатологические мотивы в христианских произведениях,

гонения то ослабевают, то вспыхивают с новой силой, но с течением времени поместные общины увеличиваются, вовлекая представителей разных социальных и культурных групп.

Вторым веком по Р.Х. датируются первые раннехристианские изображения и росписи, найденные археологами. В противовес язычникам, помещавшим на стенах своих жилищ и храмов, домашней утвари, посуде, в основном, мифологические сцены, христиане изображают в домах, а позже в местах своих собраний христианские символы – крест, рыбу, голубя [30, с.107], встречаются фигуры пастыря с овцой на плечах или агнца с крестом [2, с.259]. Что касается изображения самого креста относительно времени его появления, то здесь мнения исследователей расходятся из-за трудностей по индентификации таких изображений. К примеру, многие иудейские склепы, датированные I в. по Р.Х., обнаруженные в Палестине, помечены Т-образными крестами (“тау” или *crux potencee*) – высеченными и нарисованными. Некоторые специалисты относят эти находки к древнейшим христианским захоронениям, другие склонны полагать, что это изображения иудейских эсхатологических символов – “тав”, последней буквы еврейского алфавита, именно такой знак, по мнению иудеев, наносился на чело праведников, о чем упоминает пророк Иезекииль (Иез.9.4). Но не исключено, что эти знаки в местах захоронений не несут религиозного смысла, а просто нанесены для различия и опознания.

Рыба - один из раннехристианских символов, который во II в. связывали с крещением (новообращенные, как малые рыбы, следуют за большой), а позднее стали связывать с акростихом: “Иисус Христос - Сын Божий, Спаситель”. Якорь означает надежду. Изображение на могильной плите в катакомбах, IV век.

Христиане – приверженцы учения Монтана во Фригии – также вырезали кресты на могильных памятниках, однако только некоторые из них можно, несомненно, отнести к христианским. В римских катакомбах в т. н. крипте св. Каликстуса обнаружили изображение греческого креста (то есть у которого все четыре конца имеют равную длину). Там же, в подземном мавзолее св. Себастьяна, был открыт на фреске латинский крест

Христос на фоне монограммы и гранатовых яблок, символизирующих жизнь вечную. Фрагмент мозаики в римской вилле IV в. (графство Дорсет, Южная Англия).

(так принято называть крест, у которого нижний конец длиннее трех остальных). Известны еще несколько подобных находок, но ни один из этих крестов не датируется раньше II в. по Р.Х.

В период первых трех веков (до Константина) христиане очень сдержанно и осторожно относились к изображению креста, избегая изображать его открыто и явно, чтобы уклониться от насмешек и опасности. Более распространенной практикой было скрытое, замаскированное изображение креста (*crux dissimulata*). Изображались предметы, внешне напоминающие форму креста и зачастую одновременно

вызывающие богатые смысловые ассоциации – якорь, корабль с оснащением, трезубец. Ближе к III в. христиане стали изображать имя Иисуса Христа монограммой, составленной из первых букв Его имени – *Иисус Христос* (см. рис. 1), или *Христос* (см. рис. 2). Добавление поперечной перекладины (см. рис. 3) представляет крест, или лучше сказать, Христа на кресте, особенно после процесса упрощения *chi-rho* становится (см. рис. 4) [45].

На раннем этапе христиане также заимствовали и использовали некоторые предхристианские формы, отдаленно напоминающие крест – например, на некоторых раннехристианских надгробиях встречается *crux gammata*, как скрытый знак креста [34]. (Интересно отметить, что эта форма встречается спорадически на западе и севере Европы на могильных камнях и на священнических облачениях вплоть до V в. по Р.Х.). Древний египетский иероглифический символ *crux ansata*, или тау-крест, о котором уже говорилось в предыдущей главе, был заимствован и широко применялся в коптских христианских памятниках. В Египте были найдены целые серии этих знаков, по которым можно проследить, как из тау-креста этот символ постепенно трансформируется в *chi – rho*, или монограмму имени Христа [47].

Кроме всех этих зашифрованных изображений креста, встречается еще криптограмма этого символа в так называемом Сатор-Ротас квадрате, наиболее ранние экземпляры которого были найдены в Помпее. Среди христиан того времени были распространены такие квадраты, в которых несложно разглядеть криптограмму креста [34].

1. Монограмма Христа, составленная из "I" и "X".

2. Двойной крест является раннехристианским символом. Он состоит из греч. "X" и креста.

3. Монограмма Христа. Знак образован пересечением двух первых греч. букв имени Христа - "X" и "P". Возможно, как христианский символ, более древний, чем крест.

4. Знак Христа, где вместо греч. "X" – крест.

S A T O R
A R E P O
T E N E T
O P E R A
R O T A S

1. Сатор-Ротас – квадрат с криптограммой креста.

2. и 3. Раннехристианские символы.

Говоря об использовании символа креста в раннем христианстве, нельзя не сказать о раннехристианском искусстве вообще. Это искусство носило откровенно подражательный характер. В. Вейдле справедливо замечает, что “именуемое нами раннехристианским искусство по своей форме не является христианским (точно такие же формы применяются и в языческих рельефах и росписях), а по невоплощенности своего содержания в этой форме и искусством может называться с некоторой натяжкой” [7, с.42].

Точно так же, как христианские апологеты обращались к греческой философии и мифологии для обоснования превосходства новой религии, художники-христиане заимствовали для своих целей эллинистические живописные приемы и формы, предельно их упрощая и примитивизируя, доводя до схематизма. Почти лишенные реалистического сходства, эти изображения имеют другие цели, нежели в языческих сюжетах, они несут глубокую смысловую нагрузку – это многозначительные символы, знаки определенных идей и представлений, часто зашифрованные иноязычия и аллегории, понятные только посвященным. Именно такая живопись и такое искусство могли возникнуть в атмосфере постоянных преследований и вынужденной скрытности, враждебного отношения к христианам языческого окружения с его натуралистическим и чувственным искусством, которому противопоставлялась внутренняя красота духа. Например, среди сюжетов катакомбной стенописи встречаются изображения голубей на фоне цветов. Голуби символизируют Божий Дух и мир в сердцах преследуемых и гонимых христиан, цветы, по-видимому, олицетворяют красоту и гармонию, противоположные уродству растленного языческого духа. Здесь же встречаются изображения якоря – символа твердой надежды на спасение во Христе, силуэт рыбы, который был общеизвестным в христианской среде и воспринимался как монограмма полного имени Учителя – Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель (ΙΧΘΥΣ), и буква Χ, греческая первоначальная буква имени *Христос*, соединенная с изображением меча, символизирующая Христа, как воплощенное Слово [3].

В древнехристианском искусстве о. С. Булгаков различает жанровые сцены, в которых сильно ощущаются античные мотивы и формы изображения – молодой пастух, дракон в сцене с Ионой, – и изображения более независимого характера, который получает с самого начала христианская символика [5, 1991, с.94].

Точная форма и вид креста, на котором был распят Христос, неизвестна. Древние авторы и современные исследователи высказывали и высказывают различные предположения. Например, в так называемом Послании Варнавы утверждается, что крест Иисуса имел Т-образную форму (*crux commissa* или “крест св. Антония”), при раскопках в Риме найдено языческое карикатурное изображение Распятия с такой же формой креста*. Но гораздо большее число свидетельств говорит в пользу четырехконечного креста (*crux immissa*). По свидетельству евангелистов, на кресте Иисуса Христа над Его головой была дощечка с надписью “Иисус Назорей – Царь Иудейский” на трех языках. По утверждениям древних

* К такому же предположению, в числе других исследователей, склоняются и авторы “Encyclopedia of Early Christianity”. Everett Fergusson Garland Publishing inc. New York & London, 1990, p. 224.

авторов (Тертуллиан, Ириней, Григорий Турский), на кресте Иисуса Христа было седалище (кусок дерева в виде рога, вставленный в продольный брус спереди, посередине, так что распятый опирался на него или сажался верхом) и подножие, в которое упирались ноги распятого. В таком случае крест оказывался семиконечным и восьмиконечным.**

До Миланского эдикта Константина (313 г. по Р.Х.) христиане воздерживались от изображений креста с распятым Спасителем. Очень часто аллегорией Распятия служил рисунок еврейского пасхального агнца, медного змия, воздвигнутого в пустыне, Исаака, приносимого в жертву Авраамом и др. Вначале крест изображался на агнце, потом агнец помещался на кресте или под крестом, иногда в группе других двенадцати агнцев, олицетворяющих апостолов. На надгробиях первых христиан крест, соединенный с изображением вечнозеленых деревьев, был символом победы и надежды [46]. В III в., во время сильных гонений, некоторые верующие изображали крест у себя на лбу. По этому знаку их узнавали и подвергали мучениям (сохранилось одно изображение на сосуде человеческого лица с крестом на челе).

Насмехаясь над христианами, язычники называли их крестопоклонниками. Языческие авторы полагали, что крест, презренное орудие казни для рабов, служил идолом, объектом поклонения христиан. Минуций Феликс в своем сочинении "Октавий" (вторая половина II в.) вкладывает в уста язычника Цецилия следующие слова:

"Говорят также, что они (христиане – авт.) почитают Человека, наказанного за злодеяния страшным наказанием, и бесславное древо креста; они, значит, имеют алтари, приличные злодеям и разбойникам и почитают то, чего заслуживают".***

Установлено, что в этой речи Цецилия воспроизводится антихристианское сочинение римского юриста и ритора Марка Корнелия Фронтоня, бывшего консулом в 143 г. [25]. Устами христианина Октавия Минуций Феликс отвечает противникам: "Мы не почитаем крестов и не желаем их".

Тертуллиан в апологии "К язычникам" (197 г.) пишет:

"Однако и те, которые утверждают, что мы крестопоклонники, также оказываются жрецами креста. Ибо крест – это деревянный знак, но ведь и вы почитаете то же вещество вместе с изготовленными из него изображениями".

Далее Тертуллиан пространно описывает, каким путем изготавливаются статуи языческих богов. Ваятель, прежде всего, как заготовку использует крест, на который наносится материал, формирующий окончательный облик идола, – таким образом язычники, сами того не ведая, по мысли апологета, чтят крест. Если человек разведет руки в стороны, его тело также образует некое подобие креста, военные поднимают и

Раннехристианские символы. Якорь - скрытый символ креста, добрый пастырь - символ Христа, голубка с оливковой ветвью, символизирующая мир.

** Христианство. Энциклопедич. словарь под ред. С.Аверинцева, М.: "БРЭ", 1993, с.883.

*** Минуций Феликс. "Октавий". В кн.: Ранние отцы Церкви.

обожают знамена и шесты с выставленными трофеями – их форма напоминает форму креста.*

Подобные доводы о естественности и “природности” символа креста приводят и другие апологеты христианства – Иустин Мученик в “Апологии” и “Диалоге”, Минуций Феликс – в уже цитированном “Октавии” и другие. Начиная со второго века, христианские писатели пытаются найти символы креста в самых различных прообразах, используя для этого как Ветхий Завет, так и языческие сказания и эпос. Крест Голгофы, по их убеждению, предвосхищали Древо Жизни в раю, Моисеев шест с медным змеем, мачта, к которой был привязан Одиссей, и т. д.**

Современному читателю могут показаться малоубедительными и надуманными такие доводы и аналогии; трудно также судить, насколько эти апологии убеждали язычников, которым были адресованы. Исследователи почти единодушно отмечают слабость и несовершенство апологий в попытках сблизить греческую классическую философию с христианским учением, равно как и использование примеров и образов из греческой истории и мифологии для обоснования первичности и превосходства учения о Христе. [17, с.66].

Это происходило потому, что христианство только училось говорить на новом, непривычном ему языке, – это были первые опыты внешнего самовыражения христианской богословской науки. Как стройная самостоятельная философская система, выраженная в понятиях и терминах, принятых в тогдашней метафизике, христианское богословие сложится позже. То же можно сказать и о христианском искусстве, хотя рождение

собственно христианского искусства можно отнести уже к IV веку. До этого использовались античные формы, иногда даже языческие сюжеты и заимствования для выражения содержания новой христианской культуры. Обращение к привнесенным извне понятиям и формам свидетельствует о вхождении христианства в историю.

Вряд ли здесь будет уместно говорить о каком-то отступлении от идеала или противопоставлять этот этап развития христианства первым десятилетиям существования Церкви, когда она была как бы надмирна и страстное ожидание скорого второго

Пришествия Христа было ее каждодневным состоянием, а отрицание внешних ценностей – полным и безусловным. Само то обстоятельство, что Божественным Промыслом существованию Церкви был определен более продолжительный период и ей было дано великое поручение – научить все народы, крестя их во имя Отца, Сына и Святого Духа, делало неизбежной вовлеченность христианства в мировую историю. Имея свою внутреннюю логику развития, оставаясь гонимой первые три столетия своей истории, Церковь, тем не менее, расширялась и росла,

* Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. “Избранные сочинения”. М.: “Прогресс”, 1992, с. 54.

** Everett Fergusson “Encyclopedia of Early Christianity” Garland inc. New York & London 1990, p. 224

ΡΟΥΦΙΝΑ
ΕΙΡΗΝΗ

1. Крест, скрытый под символом якоря.

2. Тау-крест с монограммой Христа. Два голубя – символ Св. Духа.

3. Эпитафия с крестом на могильной плите, свидетельствующая о вере погребенных. Римские катакомбы, начало III века.

преобразовывала окружающий мир, тем самым вовлекаясь в мировой исторический процесс, становясь его неотъемлемой частью.

Кроме опасностей от своих гонителей, христианство первых веков испытывало мощный натиск многочисленных лжеучений, гностицизма в различных формах, реально угрожавших изнутри засорить и исказить истину привнесением элементов религиозного синкретизма. Христианские писатели-полемисты Ириней, Тертуллиан, Ориген и другие приняли этот вызов, используя и развивая для защиты истины положения классической греческой философии.

Христианство, становясь мировоззрением и образом жизни все большего количества людей, преобразуя их прошлое языческое мирозерцание, побуждало выражать свою веру, новое видение жизни языком культуры, создавать новую эстетику людей, просвещенных истинным Светом. Возникновение такой культуры также свидетельствовало о приобщении христианства к истории, о его внешней идентификации.

Изображение креста постепенно становится самым характерным и точным выражением сущности христианской веры, ее основным символом. В числе прочих символов христиане использовали изображения рыбы, якоря, голубя, различные комбинации из этих знаков, монограммы, образованные из начальных греческих букв имени Спасителя, но именно крест наиболее точно и удачно выражал главную идею христианства; являясь предметом инсинуаций и насмешек для язычников, он с течением времени становится общепризнанным символом Церкви как для мира, так и для самих христиан, заключая в себе концентрированный смысл Благой Вести.

Разумеется, в этот период кресту не приписывается никаких чудодейственных качеств и он не является *объектом поклонения*. Все это сложится в следующем, IV веке, когда христианство получило официальное признание императорской власти и стало государственной религией Византийской империи, и также после так называемого «обретения Креста Господня» *.

1. Изящная трактовка креста-якоря.

2. Тау-крест, скрытый под общим символом якоря.

3. Монограмма Христа часто встречается в виде замены "P" на крючок. Здесь вместо "X" - крест.

4. Комбинация знака Христа с "I" и "C" - Иисус Христос, Спаситель.

“Сим победишь!”

Почти трехсотлетнее непрерывное преследование Церкви со стороны Римской империи не достигло своей цели – уничтожения и искоренения христианства. Имея неземное основание, оно расширялось и укреплялось на фоне углубляющегося кризиса языческих религий, их продолжающегося вырождения в раздираемом противоречиями и распадающемся “*Rex Romana*”. По мере продолжения гонений и их безрезультатности росла и зрела убежденность язычников в наличии в христианстве истинной божественной силы, его защищающей. Это убеждение достигло, наконец, и императорского двора. После последнего, наиболее жестокого гонения на христиан при императоре Диоклетиане, в 313 году в Медиолане

* М.Я.Сузюмов утверждает, что первое упоминание о поклонении кресту относится к 340 году. М.Я.Сузюмов "История Византии". М., "Наука", 1967, с.61.

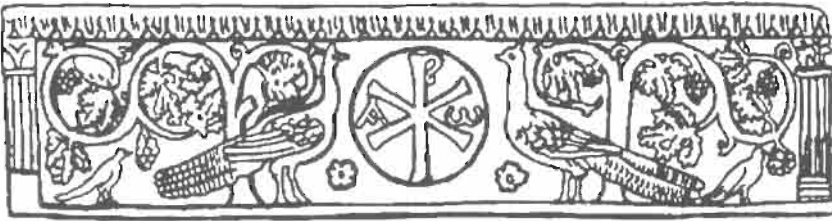
(Милане) вышел знаменитый эдикт императора Константина, разрешающий каждому свободное исповедание веры и позволяющий свободный переход в христианство. Христианам было возвращено все отнятое у них во время последнего гонения имущество.

В отличие от других соправителей Диоклетиана – Максимиана и Галерия, которые были настроены враждебно по отношению к христианам, Констанций Хлор, отец будущего императора Константина, относился к ним сочувственно. Благоклонно относилась к христианам и его жена Елена. Их воспитание и влияние обусловили, в какой-то мере, терпимость и благоклонность по отношению к христианским общинам и их сына Константина. Но решающей причиной для издания Медиоланского эдикта православные и католические историки считают видение Константина, пережитое им в 312 году перед решающим сражением с Максентием. Французский католический автор Даниэль-Ропс, описывая это видение, ссылается на современников Константина – церковного историка Евсевия Кесарийского и Лактанция: “Ночью, незадолго перед битвой, Константин впал в экстаз, во время которого получил от Христа указание размещения на доспехах воинов небесного знака, который состоял из двух букв “ХР”. Евсевий, который был личным духовником Константина, утверждает, что император под конец жизни рассказывал ему лично подробности этого видения: “В начале боя с Максентием Константин призвал на помощь Бога христиан. В дневном свете он увидел с западной стороны сияющий крест с греческими словами “Сим [знаком] победишь”. Следующей ночью он увидел Христа с крестом и услышал совет приказать сделать знамя с изображением креста” [65]. Эта императорская хоругвь носила название *лабарум*, ее длинная ручка была покрыта золотом, а на верхушке был венец, сделанный из золота и драгоценных камней, в котором помещался знак креста с начальными буквами имени Спасителя.

Исторические церкви причисляют Константина к лику святых, даже говорят о нем, как о равноапостольном, и истинность этого видения не подвергается сомнению. Важнейшим отличием протестантских церквей является принцип, сформулированный в эпоху Реформации – “*Sola Scriptura*” (“Только Писание”), и истинность этого эпизода нужно оценивать в контексте последующей жизни Константина, который продолжал носить титул верховного жреца язычников, отличался жестокостью к своим противникам и жадной славой.* Крещение он принял только перед самой смертью в 337 году, очевидно, надеясь, что оно очистит его от прежних грехов. Сама эта история с видением Константина очень характерна и становится ясной в свете намерений императорской власти, узаконившей христианскую веру и придавшей ей статус государственной религии. Как признает Н.Тальберг: “Константин поставил христианскую Церковь в такое положение в империи, что ее дела как общества, тесно связанного со всей государственной жизнью, признавались делами государственной важности” [30]. Законами Константина Церковь была освобождена от податей, император в своих воззваниях высказывал пожелания, чтобы все его подданные были христианами, сам фактически руководил епископатом христианской церкви. Правитель осыпал некогда опальных епископов, пресвитеров благодеяниями.

1. и 2. Альфа и Омега, вписанные в крест.

3. и 4. Монограмма Христа с буквами Альфой и Омегой.

Христианство нужно было императору как своеобразная идеология, способная обосновать божественное происхождение его власти, придав ей авторитет и высший смысл, – словом, выполнять те функции, с которыми уже не справлялись дряхлеющие языческие культы.

Поэтому неудивительно, что крест – место искупления человечества, крест, посредством которого мир был распят для апостола Павла и он для мира, у римского императора Константина превращается в знамение его победы над личным врагом-соперником Максентием, становится частью его императорской хоругви, вытеснив там языческих богов. Здесь Божие отдавалось кесарю. Крест становится эмблемой, гербом Византии, он помещается на стенах государственных зданий и официальной одежде императорских чиновников. Тропарь Поклонения Кресту становится официальным гимном империи [23]. В Риме была воздвигнута статуя первого христианского императора с крестом в руке. Совершенно очевидно: союз официальной церкви и государства был нужен Константину для достижения своих политических целей, осуществления честолюбивых намерений. Крест на его *лабаруме* – знак богоизбранности императора, знамение небесного покровительства Бога христиан.

Если до этого времени Церковь в целом, не считая некоторых отклонений и тенденций, оставалась верной апостольскому учению и тому, что принято называть первохристианством, то со времен Константина начался величайший отход от чистоты евангельского учения. Складывается особая форма взаимоотношений государства и официальной церкви – теократическая; отныне дела церкви становятся важнейшими делами для государства (император лично возглавил Первый Вселенский Собор в Никее в 325 году, а затем стал инициатором созыва последующих Соборов). И если, по словам о.С.Булгакова, первохристианство не несло государства на своей совести, оно могло относиться к нему извне, как к постороннему чуждому миру [68], то отныне Церковь своим и Божьим авторитетом освящает императорскую власть. Император – Господний избранник, следовательно, неповиновение его власти расценивается как непослушание Богу. Сами сложные и пышные придворные церемонии напоминают священнодействия, а в последствии и приравняются к ним.

1. Рельеф с изображениями монограммы Христа, виноградной лозы и птицы Феникс, как символа бессмертия.

2. "Я есмь Пастырь Добрый" - сказал Иисус. Аллегорическое изображение Христа в виде Доброго Пастыря. Рельеф на саркофаге в Риме, ок. 270 г.

* В частности, Константину приписываются убийства тестя Максимиана и двух Лицинийев – отца и одиннадцатилетнего сына жены Фавсты и собственного сына Криспа. М. Э. Поснов "История христианской Церкви" Брюссель, "Жизнь с Богом", 1991, с. 260

К концу IV века употребление креста в той или иной форме как атрибута государственной власти становится повсеместным. Он появляется на монетах Константина (хотя этот император осуществлял политику религиозного эклектицизма и не колеблясь помещал на те же монеты изображения Марса и Аполлона как богов) [41]. Золотой крест возлагается на гробницу апостола Петра в Риме, в V в. император Валентин и его супруга имели крест на своих коронах, тогда же его стали изображать на официальных документах (вместо призывания имени Божия), вместо подписи имени стали ставить три креста, причем, если кто осмеливался нарушить скрепленный крестом договор, тому полагалось двойное наказание. Как гарантия истинности крест ставится на рецептах врачей, он помещается на могилах для обозначения чьей-либо кончины и т.д. Православный исследователь В.Карташев дает определение основному греху Византийской теократии – смешение абсолютного с относительным, божественного с человеческим [15, с.137].

Это было время стремительного обмирщения, отказа от понимания христианской Церкви как особенного общества, сохраняющего верность только Небесному Царю, в обмен на почести и привилегии для клира, который все больше обособлялся от мирян. О широком и глубоком проникновении мирского начала в жизнь Церкви говорят и православные и католические авторы, правда, с многочисленными оговорками и оправданиями [22]. В этот период благочестие все более переливается в различные формы монашеской и полумонашеской жизни, истинное христианское житие для многих представляется возможным только на пути аскезы и буквального удаления из мира в пустыни. Понимание идеала христианского совершенства сосредотачивается в различных вновь изобретаемых формах аскезы [14, с.41]. Происходят изменения, получающие необратимый характер в силу их освящения и включения в церковную традицию, в Предание, которое носит уже самодовлеющий характер и постепенно приравнивается к Священному Писанию.

Внешне и внутренне Церковь становится все менее похожей на свою гонимую предшественницу, хотя по-прежнему декларируется апостольская преемственность.

Обретение креста Господня

1. Тау-крест с альфой и омегой. Употребляется как знак Христа.

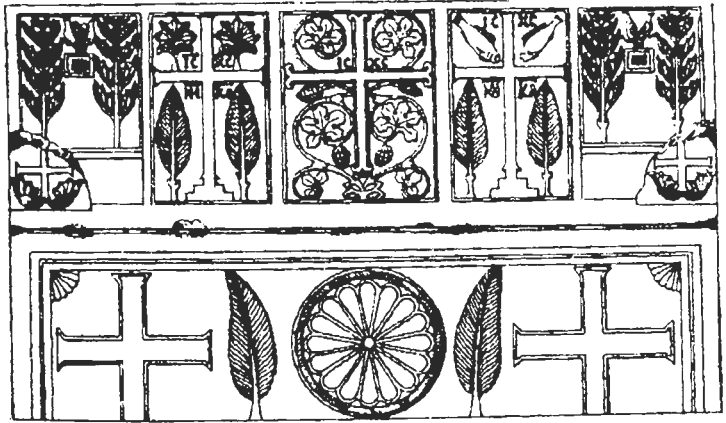
2. Христианский анкх-крест, возникший из египетского знака.

3, 4, 5. Знаки Христа, напоминающие анкх-крест. Подобных монограмм много.

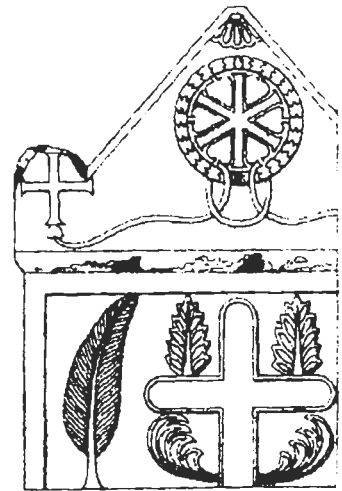
Историки V века Сократ, Созомен, Руфин, Феодорит рассказывают историю об обретении креста Иисуса Христа. В 324 году мать императора Константина Елена отправилась в Иерусалим на поиски креста Христова. По преданиям, еще раньше римский император Адриан распорядился спрятать все три креста (т.е. кресты, на которых были распяты Христос и два разбойника) и на том месте построить языческий храм. Прошли сотни лет, но Елена узнала от старцев-иудеев место погребения и, произведя раскопки, обнаружила там все три креста. На это место прибыл иерусалимский патриарх Макарий. Чтобы определить, какой же из трех крестов принадлежал Иисусу, их по очереди стали прикладывать ко гробу с умершим. Когда гроба коснулся

крест Христа, умерший воскрес (согласно версии Феодорита, Макарий подвел к крестам трех больных женщин-христианок, и одна из них исцелилась у креста Спасителя; Руфин говорит об одной больной, исцеленной у креста Господня). находка оказалась неповрежденной, нашлась даже табличка с надписью, которая была над головой

Иисуса, и четыре гвоздя, при помощи которых Он был распят. Согласно сказанию, Елена послала два гвоздя своему сыну Константину, один - для его короны, второй - для уздечки императорского коня [34]. Согласно другим источникам, найденные гвозди имели следующую судьбу: один был брошен в море, чтобы утихомирить шторм, из второго было сделано железное кольцо, впоследствии украсившее корону Ломбардии, два остальных были положены как реликвии в городах Милане и Трире [39]. Основная часть креста была положена Еленой в церковь, воздвигнутую над тем местом. Другая часть была вмонтирована в голову статуи Константина, а перекладина креста была помещена в специально построенную для этого церковь в Риме и позже названную Санта-Крус.

Нельзя обойти тот факт, что наиболее авторитетный и признанный всеми церковный историк того времени Евсевий Кесарийский, превышающий по значимости всех остальных упомянутых авторов, поскольку был современником Елены и епископом Палестинским, описавшим ее путешествие на Восток для "поклонения стопам Спасителя" и присутствовавший на освящении храма, построенного Константином на месте страданий Христа, ни одним словом не упоминает об этой истории, хотя подробно описывает обнаружение пещеры Гроба Господня и ее планировку. Ничего не сообщает об обретении креста и Пилигрим Бордосский в своей истории о Гробе Господнем (333 г.). Но уже около 350 г. Кирилл Иерусалимский в "Огласительных поучениях" упоминает о существовании древа Креста, части которого "розданы по всему миру". Много позже было открыто и опубликовано апокрифическое сказание "Учение Аддаи", в котором рассказывается эта же история об обретении креста при таких же точно обстоятельствах, но намного раньше по времени, еще во время правления императора Тиберия. Согласно рассказу "Учения Аддаи", жена будущего императора Клавдия, обращенная в христианство посредством проповеди апостола Петра, находит в Иерусалиме на месте распятия истинный крест Иисуса Христа. Вполне очевидно, что история об обретении креста Еленой

Архитектурные рельефы с изображениями креста и других христианских символов. (Период ранней Византии).

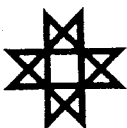
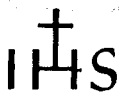
является версией более раннего по времени Эдесского предания [42].

Эта история положила начало широкому почитанию священных предметов; постепенно объектами поклонения становятся живописные изображения, трансформировавшиеся затем в иконы, мощи христианских мучеников и другие различного рода реликвии. Объяснить и понять глубокие корни этого явления можно, принимая во внимание процессы, которые проходили в Церкви в то время. Подражая богатству и блеску византийского двора, храмовые богослужения приобретали внешнюю пышность, заимствуя искусство позднеантичного мира, его живопись, скульптуру, архитектуру. В то же время церкви стремительно наполнялись вчерашними язычниками, большинство из которых приняло новую веру по меркантильным или верноподданническим соображениям. Они внесли в Церковь свои прежние языческие представления, поклонение в духе и истине у них подменялось суеверным преклонением перед новыми святынями и реликвиями, которым приписывались особые магические свойства и способности. Живое, осознанное евангельское поклонение Богу подменялось обрядоверием. Реликвии приобретали самодовлеющее значение, граничащее с фетишизмом. Исследователи, принадлежащие к историческим церквам, признают наличие этого негативного явления, называя его “христианством второго разряда”, но относят его, на наш взгляд, необоснованно, преимущественно к народным массам.

Сама история обретения креста безотносительно к степени ее исторической достоверности или легендарности была как бы востребована самим временем, теми негативными процессами и изменениями, которые проходили в официальном церковном культе. Крест Христов, который дерзновенно проповедуется в Евангелии как высшее откровение Божьей любви, как место сораспятия для мира, место умирания греховного начала для последующего совоскресения со Христом и хождения в обновленной жизни, теперь “обретается” в конкретном деревянном кресте, и ему оказываются немислимые почести.

Подобный прецедент можно увидеть в ветхозаветной истории израильского народа, когда тот находился на пути в обетованную землю. Как наказание за ропот Господь послал на народ ядовитых змей, которые нещадно жалили людей, и многие умирали от их укусов (Числ.21.5-9). После народного покаяния и исповедания греха Бог повелел Моисею сделать медного змея и выставить на шесте, чтобы ужаленный, взглянув на него, оставался жив. Много позже, примерно в 725 г. до Р.Х., иудейский царь Езекия в числе прочих действий по искоренению идолопоклонства в Иудее уничтожил медного змея, сделанного Моисеем, “потому что до самих тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан” (4Цар.18.4). Этот шест с медным змеем, посредством которого Господь проявил свою милость, стараниями израильтян, испытывавших влияние окружающих языческих народов, был превращен в объект поклонения. Это классический пример фетишизма – когда неодушевленному предмету придается сакральное значение [28, с.43].

Эта аналогия станет более явственной, если вспомнить, что Христос в беседе с Никодимом сказал, что подобно тому, “как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому” (Ин.3.14).

1. Этот знак появился вследствие влияния греч. облаков для причастия и означает: “Иисус Христос, побеждай”.

2. Монограмма Христа.

3. Монограмма Иисуса. Линия над монограммой означает Дух Святой.

4. Скрытый знак Христа, образованный пересечением четырех букв “X” в виде креста.

В контексте этого можно понять, что медный змей на “знамени” – прообраз Распятия. На это указывали многие древние христианские писатели. По замечанию Феодорита Кирского, “как медный змий был изображением змиев, но не имел змеиного яда, так и Единородный Сын имел человеческое тело, но не имел греховной скверны”. * Как только этот памятник Божьей милости стал обожествляться в глазах народа, иудеи начали кадить ему, даже дали ему имя. Езекия приказал уничтожить змея для пресечения идолопоклонства.

К сожалению, нечто подобное случилось с крестом, на котором был распят Христос (в задачу нашей работы не входит выяснение, был ли найден *действительный* крест, на котором был распят Спаситель, поскольку в данном случае это не имеет принципиального значения). Для полуязычников-полухристиан, неспособных воспринять спасение через веру, нужен был конкретный предмет – крест, дерево которое стало бы для них святым, сверхъестественным. Маленькие частицы древа креста, инкрустированные золотом и драгоценными камнями, стали продавать, и много богатых верующих жаждали приобрести бесценную реликвию. Обилие частей креста объяснялось чудом “умножения креста”, когда эти части якобы самовоспроизводились, умножались и имели божественную силу для исцеления от болезней. Фрагменты креста находятся во многих исторических церквях, во многих странах христианского мира. ** Как признает католический археолог П. Дидрон, “Кресту поклонялись подобно, если не так же, как Христу; этому священному дереву оказывалось почтение, почти как Самому Богу”. ***

Согласно церковному преданию, после обнаружения креста толпы людей потянулись на то место с надеждой припасть к святыне. Тогда епископ Макарий поднял, “воздвиг” этот крест над головами молящихся.

В честь этого события 14 [27] сентября Восточной церковью празднуется Воздвижение, или “Обретение Честного Животворящего Креста Господня”. Впервые о праздновании этого дня упоминает паломница Сильвия Аквитанская, которая присутствовала при освящении храмов Воскресения и на Голгофе в Иерусалиме в 385 г. и где вспоминалось также и об обретении креста.

Еще раньше сложилось убеждение в магической силе начертания креста. Знак креста использовался для охраны, ограждения и изгнания дьявольской силы. На одном из древних переносных крестов, найденных в христианской могиле в Риме, имеется надпись: “Крест – жизнь для меня; смерть, о враг [дьявол], для тебя”. Некоторые христиане даже решались ставить клеймо в форме креста на домашних животных для защиты их от несчастья.

Примерно этим же целям служило и *крестное знамение*. Точное время его появления среди христиан неизвестно; первые письменные упоминания о нем принадлежат Киприану и Тертуллиану и относятся к началу III века. Ипполит Римский, живший примерно в это же время, напоминает христианам, что крестное знамение, направленное против дьявола, было

1. Патриархальный крест.

2. Западный тройной патриархальный крест.

3. Восьмиконечные кресты русской Православной церкви.

* Цит. по “Толковая Библия”. Изд. пресм. А. П. Лопухина, СПб. 1904-1907, т. 1, с. 557.

** Во времена М. Лютера собрание реликвий, помещенное в Виттенберге курфюрстом Саксонским насчитывало 5005 священных предметов, в числе которых было 35 обломков креста Христова. Э. Ю. Соловьев. “Непобежденный еретик”. М., 1984, с. 61.

*** Цит. по Goblet d', Alliviella “Encyclopedia of Religion and Ethics”, NY, 1912, p. 328.

напоминанием “печати” их крещения, когда епископ возлагал на них руки, помазывая их елеем и начертывая знак креста на лбу, когда они выходили из воды после совершения крещения [34].

Западная Церковь имела в употреблении две формы крестного знамения – так называемые латинское и немецкое. Латинское заключалось в прикосновении ко лбу, груди, затем к правому и левому плечам открытой ладонью правой руки. Немецкое крестное знамение состоит в прикосновении ко лбу, губам и груди сложенными вместе пальцами правой руки, в то время как левая рука покоится на груди. Знамение сопровождается словами: “Во имя Бога – Отца, Сына и Святого Духа. Аминь”. Согласно обычаю, принятому в Восточной Церкви, складываются вместе большой, указательный и средний палец правой руки, тогда как два остальных прижимаются к ладони (троеперстие) и таким образом касаются лба, груди, правого и левого плеча. Три вытянутых пальца означают для крестящегося исповедание Троицы, два остальных символизируют веру в божественную и челоувечскую природу Христа. Формула этого крестного знамения следующая: “Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас”. В различные периоды времени применялись также и двоеперстие, даже единоперстие (когда прикасались только одним указательным пальцем, а остальные пригибались к ладони). В этих случаях выражались идеи соответственно двух природ Христа и единства Божия.

Постепенно на Востоке стала преобладать форма равностороннего креста, который получил название греческого, а на Западе – форма латинского креста, с более длинным нижним концом. Крест становится иерархическим символом для клира. Так, в знак особых почестей перед папой несли крест с тремя перекладинами (папский крест), тогда как перед кардиналами и архиепископами – с двумя, а перед епископами – с одной. В Восточной церкви также существовали шестиконечные и восьмиконечные кресты, причем, одна более короткая перекладина помещалась наискось, ниже основной (русский крест).

Начиная с IV в. становится распространенным обычаем ношение креста на груди, причем не только священнослужителями, но и многими мирянами как на Востоке, так и на Западе. Крест также становится частью одежды и для богатых женщин, имея для них как религиозную, так и декоративную ценность. Очень часто в таком случае кресты для владельцев играли роль талисмана или амулета. Существовала особая форма нагрудного креста – энколпион. Он был полым внутри и имел частицы мощей святых, а еще раньше, во времена преследований, списки священных христианских книг. Найденные археологами энколпионы датируются не позже IV в. (о них также свидетельствует и Иоанн Златоуст). Кресты-энколпионы были частью императорского торжественного облачения в Византии [35]. Кресты также широко применялись и при совершении богослужения. Литургическое применение крестов является более ранним, чем их использование в качестве благочестивого украшения. Ручные кресты применялись для того, чтобы благословлять ими, и для совершения литургического действия. Существовали также процессионные, архиепископские и алтарные кресты, которые произошли от ручных крестов.

1. Католический процессионный крест. XV в., Италия.

2. Надмогильный кельтский крест, украшенный тонкой резьбой. V в., Ирландия.

Со времени раннего средневековья появлялось огромное количество апокрифических сказаний, легенд о кресте Иисуса Христа. При всем разнообразии в основе всех этих произведений находится главная идея – о том, что орудие крестной смерти Мессии каким-то образом связано с деревом познания добра и зла в раю или одним из райских деревьев. Дерево креста, на котором был распят покаявшийся разбойник, согласно одной из легенд, было также райского происхождения. На Западе широко была известна мистическая поэма Джакомо да Вараджио (Giacomo da Varaggio) (XIII в.) о том, что после смерти Адама, Сиф посадил на его могиле ветку от Дерева Жизни, находившегося в раю. Выросшее на могиле дерево попадает чудесным образом к Моисею, затем – к Соломону, и тот использует его при строительстве храма. В конце концов из этого дерева изготавливается крест, на котором распяли Христа [40].

Значение и применение креста усложняется. Проводилось различие между Крестом Страстей Господних, который можно было узнать на картинах по изображенным рядом с ним орудиям и инструментам распятия, и Крестом Воскресения, с которым Христос возносится в небеса. Первый изображался зеленым, так как был сделан из дерева, иногда – красным, по аналогии с пролитой кровью Спасителя. Второй обычно изображали голубым – цвет неба, – или белым, что было призвано символизировать невидимое Божество [40].

Изображение креста становится неотъемлемой частью не только церковного служения, но и культуры многих народов, которых принято называть христианскими. Крест стал основой западного символизма. Этот символ стал государственным гербом для множества стран, был положен в основу наград и отличий, стал эмблемой правосудия, многих рыцарских орденов, братств. Кресты воздвигались вдоль дорог, на рыночных площадях, где служили местом обнародования официальных декретов и объявлений о браках, а также местом временного убежища для правонарушителей.

Иконоборчество и крест

Такое широкое распространение поклонения священным предметам и изображениям не могло не встретить протеста в среде самой Церкви. Еще незадолго до эдикта Константина, в 305 году, Эльвирский Собор принял постановление о недопущении священных изображений в церквах. В 36 каноне Собора говорилось: “Принято, чтобы живописи в церквах не было, и чтобы не служило предметом почитания то, что изображается на стенах”.* Убежденными противниками иконопочитания были: первый церковный историк Евсевий Кесарийский, который назвал это явление языческим обычаем, Епифаний Кирский, Серен Марельский и другие как духовные, так и светские лица.**

* Постановление Эльвирского Собора. Канон 36. Цит. по М.Э.Поснов. "История христианской Церкви"... с.256.

** Сестра Константина Великого Констанция просила Евсевия прислать ей икону Спасителя. Евсевий нашел это желание предвещательным, как и сами попытки изображения Сына Божия, и обосновал это в письме к ней. “Деяния Седьмого Вселенского Собора” с. 530.

1. и 2. Средневековые католические изображения Христа в виде Агнца с крестом.

Одновременно с почитанием мощей и икон в церковном культе исключительное место занимало поклонение кресту, который теперь именовали Честным и Животворящим. Вместо аллегорических изображений Христа на кресте в виде Агнца, которые были характерны для первых веков христианства, теперь на нем стала помещаться фигура Христа, но еще не распятого, позже появляются кресты с Распятым.**

Соборы своими постановлениями жестко регламентировали правила изображения креста: Трулльский Собор (691–692 гг.) запретил изображать Христа на кресте в виде Агнца [9, с.622]. Таким образом, был отвергнут первохристианский тип аллегорического изображения, восходивший к периоду символических образов и знаков; отныне предпочтение отдается реалистическому изображению, претендующему на адекватность и сходство с первообразом. Начертание креста почитается священным, и этот же Собор также запрещает помещать крест на полах одежды, чтобы не топтать его ногами. По этой же причине Шестой Вселенский Собор (680-681 гг.) принял постановление о том, что “Животворящему Кресту должно воздавать подобающую честь и не начертывать его на земле” [18, с.84].

Возражения и сопротивление почитанию икон усиливалось и нарастало, особенно в Восточной церкви, где оно, наконец, вылилось в так называемое иконоборческое движение, составившее целую эпоху в истории христианства. Формальное начало иконоборчеству положил византийский император Лев III Исавр, издавший в 726 году эдикт, запрещающий поклонение иконам. Этот государственный акт был вовсе не случаен: еще в 724 году против почитания икон выступил ряд видных церковных деятелей, среди них никомидийский епископ Константин, имеющий влияние на императора. Лев Исавр самолично возглавил это движение, его сын Константин V Копроним поддержал и продолжил дело отца с особой энергией – во время его царствования в 754 году был созван Собор 338 Отцов, получивший в дальнейшем название

иконоборческого, на котором богословски были обоснованы возражения против поклонения иконам, собраны и систематизированы высказывания св. Отцов – противников иконопочитания. Но затем иконопочитатели одержали временную победу при императрице Ирине (775-802 гг.), когда созданный по ее инициативе в 787 году VII Никейский Собор восстановил иконопочитание и проклял Собор 754 года, объявив его лжесобором. Были преданы анафеме все епископы-иконоборцы, не желавшие отречься от своих взглядов, было принято решение об уничтожении писаний и материалов предшествующего “лжесобора” (о взглядах иконоборцев теперь можно судить только по соответствующим опровержениям VII Собора – “Опровержение, коварно составленного толпою христиан-обвинителей лжеименного определения”). Но в 813 году на престол взошел Лев V Армянин, убежденный противник иконопочитания, и он поручил

** Самое древнее изображение креста с распятым Христом находится на дверях Сабинны в Риме и датируется V–VI веками. “Христианство”. Энциклопедический словарь, М., БРЭ, 1993, с. 834.

1. Скрытый знак Христа - буквы "альфа" и "омега" с царской короной и вписанным в нее крестом.

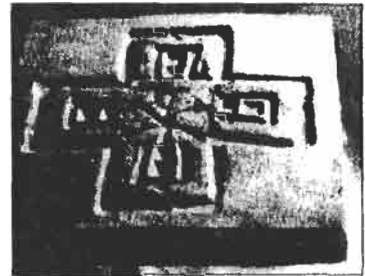
2. Аллегорическое изображение четырех евангелистов (Откр. 4.7). Изображение в церкви св. Марии в Риме.

ученому-богослову Иоанну Грамматику, будущему патриарху, на основании святоотеческих преданий обосновать отрицание поклонения иконам. При этом же императоре в апреле 815 года патриархом Феодором был созван Собор в храме св. Софии в Константинополе, отвергший решения VII Собора и объявивший Собор 754 года Вселенским. Иконоборцами были и сын Льва V Михаил (820 - 829 гг.), и внук Феофил (829 - 842 гг.), но жена Феофила, императрица Феодора, чтит иконы, и после смерти ее мужа патриарх Иоанн Грамматик попал в опалу и вынужден был уступить константинопольскую кафедру монаху Мефодию, созвавшему Собор, на котором был снова осужден иконоборческий Собор 754 года и восстановлен в правах VII Никейский Собор 787 года. Тогда же впервые было отпраздновано “торжество православия”.

Такова внешняя канва событий этого сложного, полного внутреннего драматизма и напряжения времени. Конечно, цели, преследовавшиеся участниками иконоборческого движения, были далеко не однородными и не однозначными, – для некоторых сил это был повод опосредствованно ограничить влияние духовенства в государственной сфере, которое было могущественным и безраздельным, – в целом, едва ли можно назвать это явление попыткой духовного возрождения и обновления Церкви в нашем понимании этих слов. Однако несомненным было стремление очистить, отделить поклонение Богу от идололатрии, когда нарушалась вторая заповедь Закона Божия. Хотя защитники иконопочитания многословно доказывали, что через видимые чувственные образы происходит поклонение Невидимому [31, с.400], на практике многие иконы объявлялись чудотворными, им придавалось самостоятельное сакральное значение, что неизбежно вело к их обожествлению [30, с.175]. Пытаясь противодействовать этому явлению, император Лев Исавр приказал поднять в храмах иконы повыше, чтобы народ не мог целовать и поклоняться им. (Довольно необычно то обстоятельство, что вопреки тому почитанию, которое оказывалось кресту, на раннем этапе развития иконографии он не воспроизводился на иконах).

Иконоборцы выдвинули своеобразную альтернативу иконам – изображение креста. Согласно епископу Арсению, они допускали крест, если на нем не было человеческих изображений. Так, в Константинополе фигура Христа на кресте была уничтожена и оставлен простой крест [21, с.229]. По приказу Льва III в 726 году меченосец-телохранитель императора изрубил топором на бронзовых воротах константинопольского дворца особо чтимое изображение Христа. На том месте император приказал поместить простой крест. Тогда же были уничтожены мозаики собора св. Софии, созданные при Юстиниане. Медальоны с нагрудными изображениями святых на стенах храма заменили крестами [20, с.52,96]. Обычно в рукописях этого периода, как, впрочем, и раньше, помещались фронтисписы. Теперь на них изображали не Христа или святых, но крест [9, с.469].

1. "Иисус Христос - побеждай!" Этот знак возник под влиянием облаков для причастия.

2. Хлебные формы для причастия с монограммой Христа (IV век).

Кресту возвращалось его изначальное, можно сказать, первохристианское, значение – символа христианства, способного заменить изображение Христа. Всякое антропоморфное изображение, по мысли

иконоборцев, было ущербно, недопустимо; во-первых, по причине невозможности, в принципе, изобразить, передать мертвыми бездушными веществами неопишное Божеское естество (сама попытка слияния в иконе чисто божественного, духовного начала с плотским, зримым обликом приравнивалась к богохульству), во-вторых, оно неизбежно вело к идолопоклонству и перемещению почитания на само изображение вместо Божества.

*"Царские врата".
XVI век. Псковский
Государственный
историко-
художественный
заповедник
(фрагмент).*

Крест ассоциировался с мощной раннехристианской традицией с ее условно-аллегорическим искусством, пользовавшимся для описания и передачи божественного символами-знаками. Эти символы лишь побуждают к размышлению, вводят в духовный мир, стимулируют рождение ассоциаций, исключая концентрирование внимания на самих себе. Изображение рыбы, виноградной лозы, якоря, меча, агнца и т. д. были знаками определенных идей и понятий, а крест, наиболее полно объединяя в себе все эти идеи, был всеобщим символом христианской веры и Церкви, выражавшем сущность Евангелия. Такой его первоначальный смысл пытались восстановить иконоборцы. По их мысли, изображение должно быть полностью адекватно неопишному божественному

прообразу. Но если этого невозможно достичь посредством чувственного реалистического искусства, которое, в принципе, никогда не отобразит полного тождества изображения и объекта (а ведь здесь объектом было само Божество!), то только знак – символ мог выражать некий духовный идеал, внутренний смысл явления.

Поэтому не случайно в иконоборческий период настенные росписи и мозаики перемещаются из церквей во дворцы и выполняются на светские темы. В храмах расцветает орнаментально-декоративное искусство – искусство отвлеченных символических знаков, вполне понятное только для посвященных, для тех, кто знает их условное значение. Основой всегда остается крест, изображение которого часто носит стилизованный характер, и ему придается чисто композиционное значение. До наших дней сохранился мозаичный крест, созданный в иконоборческий период в церкви св. Ирины в Константинополе, мозаики с изображением крестов в церкви св. Софии в Салониках. После победы иконопочитания многие кресты выламывались или разрушались, заменялись изображением Богородицы и Христа.

Надо отметить, что в самом иконоборческом движении существовало немногочисленное наиболее радикальное крыло, которое, по-видимому, испытывало влияние павликианских идей, и которое негативно относилось ко всякому изображению, в том числе и ко кресту [29, с.59]. Павликиане и богомилы стояли в оппозиции к официальной православной церкви, полностью отвергали ее обрядовую сторону – богослужения, таинства, почитание святых мощей, икон, поклонение кресту, усматривая во всем этом идолопоклонство.

Крест в евангельской церкви

В эпоху Реформации и последующей контрреформации отношение к крестопочитанию в рождающихся протестантских церквях было связано с принципиальным отказом от церковного Предания, отторжением неевангельских наслоений в церковном учении и богослужебной практике. “Только Писание” – этот знаменитый постулат реформаторов не оставлял камня на камне от практики поклонения священным реликвиям, нетленным мощам, многочисленным святым, предельно упростил само богослужение, приблизив его, как мыслилось, к первоапостольскому идеалу.

Церкви и течения, возникшие вследствие Реформации, при общем для всех отказе от наследия и заблуждений папства, тем не менее, приобрели существенные различия. Умеренный протестантизм в лице евангелическо-лютеранской церкви, в еще большей мере англиканской церкви сохранил идею союза Церкви и государства, детокрещение, специальные священнические одеяния для совершения богослужения, оставил крестное знамение, правда, только в особых случаях, священнодействия (крещение, причастие и др.) [44]. Радикальные протестантские движения, возникшие позже, были более последовательны в своем стремлении уподобиться евангельскому идеалу церковного устройства осуществить принцип всеобщего священства, они уделяли главное внимание личному духовному возрождению каждого христианина.

Реформированный протестантизм отверг крестное знамение, но вопреки всем историческим катаклизмам и перипетиям богословской полемики крест остался в основных новых деноминациях, перестав быть объектом поклонения и почитания, стал осознаться как общехристианский символ. Конечно, картина религиозных движений и исканий послереформационной Европы была очень пестрой и неоднозначной, существовало бесчисленное множество т. н. религиозных меньшинств и толков, имеющих свои особенности и отличия, их вероисповедные положения были схожими с идеями тех, с кем исторические церкви безуспешно воевали веками задолго до Реформации – вальденсами, катарями, богомилами, павликианами и пр. Существовали течения, отрицающие всякое изображение креста, эта позиция была крайним проявлением неприятия обрядового христианства.

Одним из факторов, обусловившим появление евангельского движения в Российской империи во второй половине XIX века, было духовное возрождение, охватившее немецкие колонии на юге Украины. Среди немцев-колонистов, принадлежавших к лютеранской, реформатской и меннонитской церквям, неудовлетворенных духовным состоянием своих приходов, стали возникать кружки для молитвы и изучения Слова Божия. Эти “вюстовские братства” (по имени пламенного проповедника пастора Эдуарда Вюста) были пиетическими по своему характеру, впоследствии приобрели черты т. н. нового пиетизма. Решительно отмежевываясь от “падших церквей”, к которым они раньше принадлежали, новопиетические штундисты проповедовали необходимость рождения свыше, которое

должен пережить каждый христианин, призывали к личному духовному благочестию, к глубокой, осознанной молитвенной жизни и к постоянному изучению Писания.

Именно эти идеи стали привлекательными для некоторых украинских крестьян, живших по соседству, которые также испытывали духовную жажду и чувство неудовлетворенности от своего пребывания в православии. В 1867 году в селе Карловке, по соседству с колонией Старый Данциг, образовалась община штундистов-украинцев новопиетического направления. Вскоре возникла подобная община в селе Любомирка, а 8 июня 1871 года любомирский штундист И. Рябшапка преподавал крещение 50 жителям сел Основы и Игнатовки. Принявшие крещение вынесли из своих домов иконы, кресты и, во избежание обвинений в надругательстве над православными святынями, сложили их у сельской церкви [27, с.333].

Именно *новопиетическая*, эмоционально окрашенная и часто наполненная духовным максимализмом проповедь о необходимости личного обращения и строгого соблюдения Божьих повелений нашла благодатную почву в сердцах людей, видевших и ощущавших почти полное отсутствие духовной жизни в официальной православной церкви. Такое плачевное состояние уживалось в народной среде с поклонением иконам, нетленным мощам святых, кресту, другим реликвиям, с религиозным невежеством, суеверием. Отрицая официальный культ, многие положения церковного вероучения, неприемлемые, с точки зрения Нового Завета, евангелисты делали акцент на духовном поклонении, не нуждающемся в видимых предметах. Не отрицалось значение обрядов, таких как крещение, рукоположение, хлебопреломление, но опять-таки с акцентом на их осознанное исполнение.* Постоянно подчеркивалось, что слепое следование обрядам не является условием спасения, они суть лишь “скорлупа”, за которой скрывается истина.**

Отрицание иконопочитания получило логическое продолжение и в отказе от поклонения и кресту, который тогда был неотъемлемой частью православного богослужения и церковного культа (в самом начале мы упоминали уже, что евангелисты противопоставляли этому поклонение “духовному кресту”). Исключалось и всякое изображение креста, хотя это явление отнюдь не было повсеместным и однозначным и требует отдельного исследования. Так, например, вот как описывает очевидец место проведения богослужений самого раннего периода “штундизма” (1870 годы) в одном из сел Херсонской губернии: “Их богослужение, которое, впрочем, они не скрывают, состоит в следующем: в более обширной крестьянской хате ставят посередине стол, покрывают его чистой скатертью, ставят посередине Распятие, а по бокам его две свечи”*** Но в дальнейшем в интерьере помещений, предназначенных для богослужений, допускались только т.н. “тексты” – цитаты из Св. Писания, часто помещенные на фоне идиллического пейзажа, цветов, колосьев, виноградной лозы и т. д.

* Журнал “Баптист”. 1912, № 14, с. 8.

** Журнал “Слово Истины”. 1914, № 21, с. 242.

*** Горжачинский А. Штунды и штундизм. В журн.: “Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям”. Херсон, 1886, № 14, с. 185.

История отечественного евангельско-баптистского братства – это история непрерывных гонений и преследований с момента зарождения и до не столь далеких дней. Сначала это было гонение со стороны властей Российской империи в союзе с господствовавшей государственной церковью, затем короткий период, начиная с царского манифеста 1906 года о веротерпимости и до Первой мировой войны и первые послереволюционные годы, время относительной и ограниченной свободы вероисповедания и проповеди Евангелия, после них – долгие десятилетия беспрецедентной борьбы атеистического государства с евангельским христианством, войны на уничтожение веры. Протестантские общины были искусственно изолированы от остального христианского мира, что, конечно же, не способствовало их осознанию себя частью Вселенской Христовой Церкви, евангельских христианских церквей, для которых крест – неотъемлемая часть интерьера, архитектуры церковного здания, но лишь стимулировало определенные сектантские тенденции в братстве. Ограниченные возможности для изучения собственной истории и истории христианства в целом также служили закреплению в сознании отрицательного отношения к изображению креста, которое в свое время было лишь полемическим перехлестом.

Крест в евангельской церкви – христианский символ, знак конфессиональной принадлежности, его образное, условное исполнение, зачастую очень стилизованное, лишь подчеркивает отстраненность от реального, существовавшего в истории креста, на котором был распят Христос. С другой стороны, протестантский крест всегда прост и лаконичен в изображении (в отличие от золотых, украшенных драгоценными камнями, часто богато инкрустированных Распятий у католиков и православных), опять-таки, из-за различия целей применения. За сравнительно короткий период времени уже успела сложиться определенная традиция изображения этого символа в наших церквях – как правило, это классический четырехсторонний латинский крест, гораздо реже встречается равносторонний греческий.

Крест на обложках Библий, Евангелий, другой христианской литературы, значках, картинах не носит сакрального характера, он призван формировать особую христианскую эстетическую среду, которая, естественно, никоим образом не подменяет живую осознанную веру в искупительную жертву Христа, – он служит лишь выражением этой веры, ее эстетическим проявлением. Долгое время, живя в атеистическом государстве, христиане были лишены этой эстетики, ее вытесняли другие символы. Существовало особое табу на изображение креста, потому что один этот знак был косвенным свидетельством о Христе, вызовом атеистическому миру с его тотальным богоотрицанием.

Конечно, едва ли будет уместно проводить параллели между развитием первохристианской Церкви и теми процессами, которые протекают в наших церквях в новых условиях, но можно сказать, что сейчас происходит своеобразное “вхождение в историю” евангельского братства, и один из признаков этого – реабилитация изображения креста, стремление найти свое место в обществе и осознать себя частью христианского мира, выразить свою веру и свидетельство всеми

доступными средствами, которыми располагает культура.

Использование креста в церковной архитектуре и интерьере призвано помочь рассеять предрассудки по отношению к евангельским христианам как со стороны верующих исторических церквей, так и людей, не имеющих веры. Оставаясь на позициях своих вероисповедных принципов, евангельские христиане-баптисты, несмотря на существующие различия и расхождения во взглядах на другие догматические вопросы, таким образом декларируют свою общность со всеми, исповедующими Иисуса Христа как Господа и Спасителя (нельзя не вспомнить в этой связи позицию, например, свидетелей Иеговы упорно утверждающих и подчеркивающих, что Христос был распят вовсе не на кресте, а на столбе).

В прошлом места для Домов Молитвы располагались только на окраинах городов и поселков, запреты и многочисленные ограничения не позволяли придавать зданиям собственно церковный облик. Существовала жесткая негласная установка – Молитвенный Дом не должен был отличаться от существующей окружающей жилой застройки. Нельзя не согласиться с В.Рягузовым, который считает важнейшей задачей использование в проектировании и строительстве церковных построек таких приемов и средств, которые позволили бы выявить Дома молитвы как важные ориентиры и эстетические доминанты населенных мест. Этому служит, кроме всего прочего, введение в церковный комплекс колоколен, куполов, башен с общехристианской символикой [26, с.260].

Несомненно то, что евангельские церкви входят в новый период своей истории, это путь, которым не шли ни вчера, ни третьего дня. Сохраняя в неприкосновенности и чистоте вероисповедные принципы, историческую преемственность, вместе с тем, очень важно, по словам Спасителя, не вливать вина молодого в ветхие мехи (Мф.9.17).

Библиография

1. Барнуэлл К., Дэнси П., Поп Т. Ключевые понятия Библии: Словарь-справочник. СПб.: "Герменевт", 1996.
2. Боголюбов А. Сын Человеческий. Брюссель: "Жизнь с Богом".
3. Бойд Роберт Т. Курганы, гробницы, сокровища. Корнталь, 1991
4. Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 2. М.: "ЦИБ", 1994.
5. Булгаков С.Н. О первохристианстве. "Вестник ЛДА", 1991, №1.
6. Булгаков С. О первохристианстве. "Вестник ЛДА", 1990, №2.
7. Вейдле В. Перерождение античного искусства. В сб.: "Православная мысль", вып. 6. Париж: YMCA-PRESS, 1947
8. Вернер де Боор. Первое Послание к Коринфянам. Корнталь: "Свет на Востоке", 1989.
9. Деяния Вселенских Соборов. Казань, 1871. Правило 82. с. 622
10. Епископ Кассиан. Христос и первое христианское поколение. Париж: YMCA-PRESS, 1992.
11. Зауэр Эрих. Бог, человечество, вечность. Киев: Изд-во ЕХБУ, 1991.
12. История эстетической мысли. Т. 1. М.: "Искусство", 1985.
13. К. Б. "Там Я посреди них". Т.2. Изд-во "СВУ".
14. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. Париж: "Символ", 1991, №25.
15. Карташев В. Судьба византийской теократии. В сб.: "Православная мысль", вып. 6. Париж: YMCA-PRESS, 1947.
16. Кембпелл Д. Толкование новозаветных посланий и книги Откровения. "Христианское Издательство", 1990.
17. Кернс Эрл Е. Дорогами христианства. М.: "Протестант", 1992.
18. Книга Правил святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и поместных и святых Отцов". Изд. Святоотроичкой Сергиевой Лавры, 1992.
19. Кох Рудольф. Книга символов. Эмблемата. Ч. 1, М., 1995.
20. Лихачева В. "Искусство Византии". Л.: "Искусство", 1986.
21. Полевой В.М. "Искусство Греции". Т. 1. М., 1984.
22. Поснов М.Э. "История христианской церкви" ...
23. Прот. Фома Хопко. "Основы православия". Минск: "Полифакт", 1991.
24. Прот. Г.Флоровский. "Пути русского богословия". Вильнюс, 1991.
25. Ранович А. Б. "Первоисточники по истории раннего христианства" М., 1990.
26. Рязузов В. "О церковной архитектуре". В альманахе "Богомыслие", вып. 1. Одесса: ОБС, "Богомыслие".
27. Савинский С.Н. "История русско-украинского баптизма". В сб.: "История баптизма". Одесса: ОБС, "Богомыслие", 1996.
28. Светлов Э. "Магизм и единобожие". Брюссель: "Жизнь с Богом", 1971,
29. Сузюмов М.Я. "История Византии" М., 1967, т. 2.
30. Тальберг Н. "История христианской Церкви". Москва - Нью-Йорк: "Интербук-Астра", 1991.
31. Творения св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913. с. 400
32. Топоров В.Н. Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: "Сов. Энцикл.", 1992.
33. Уирсби Уоррен. "Будь мудрым", Чикаго. 1991.
34. "Encyclopedia Britannica". Vol. 6, 1969 p. 812.
35. "The Encyclopedia Americana. International Edition", Vol. 8, 1981, p. 248
36. "The anchor Bible Dictionary", Vol. 1., "Doubleday" #4 1992 p. 1209.
37. Daniel-Rops "Kosciol pierwszych wiekow" Warszawa "Pax" 1969 s. 478
38. Edward N. West. The Encyclopedia Americana. International Edition Vol. 8, 1981 p.246
39. G. W. Bromiley "The International Standard Bible Encyclopedia" Grand Rapids, Michigan, 1992, Vol. 1, p. 826
40. Goblet d'Alviella "Encyclopedia of Religion and Ethics" NY & L ... p. 328
41. James Hasting M. A., D.D. "Encyclopedia of Religion and Ethics"... p.329
42. James OOR "The International Standard Bible Encyclopedia" M. A., O. O., 1952, p. 761
43. Levis Spense. James Hasting, M. A., D.D. "Encyclopedia of Religion and Ethics". New York, Charles Scribners sons. 1912 p. 326
44. Samuel M. Jackson, D.D., "The New Schaff-Herzog Encyclopedia of religious knowledge" Funk and Wagnal's company, NY & L., p.310
45. Schultze Victor "The New Schaff-Herzog Encyclopedia of religious knowledge" Funk and Wagnals company, New York and London p. 310
46. V. F. Unger "The New Bible Dictionary" "Moody Press" Chicago, p. 263
47. Walter A. Elwel (Editor) "Evangelical Dictionary of Theology". Baker Book House, Grand Rapids, Michigan, 1984, p. 745

В РАКОВИЦАХ

АДМИНИСТРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА